

14225.

14225

13115
4225

ЭКОНОМИСТЪ.

П Р И Л О Ж Е Н І Я

къ

УКАЗАТЕЛЮ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ,

ИЗДАВАЕМОМУ

И. ВЕРНАДСКИМЪ.

ТОМЪ III.

КНИЖКА 4.

—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1860.

БИБЛИОТЕКА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

7222/11

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 8 мая 1860 года.

Ценсоръ Ст. Лебедевъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

14225.

КРИТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ МНѢНІЙ РАЗЛИЧНЫХЪ ПО-
ЛИТИКО - ЭКОНОМОВЪ О ТЕОРИИ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ
РЕНТЫ.

(Статья Григоровича)

26987
Съ экономической точки зрѣнія, земля есть первое естественное богатство, способное къ присвоенію; она, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть хранилище капиталовъ, собранныхъ предшествовавшими поколѣніями, развивавшими цивилизацію.

Земля всегда пріобрѣтается съ цѣлью воспроизведенія и можетъ быть вымѣниваема только на капиталы, которые должны служить производству. Эти-то капиталы и суть тѣ, количество и рѣдкость которыхъ возвышаетъ или понижаетъ проценты.

Изъ этого слѣдуетъ, что, хотя польза, приносимая землю, остается всегда постоянною, но цѣнность ея измѣняется часто, смотря по обилію или рѣдкости капиталовъ, назначаемыхъ на производство. Изъ этого также проистекаетъ, что употребленіе капиталовъ, назначаемыхъ на производство, имѣетъ слѣдствіемъ пониженіе ихъ цѣнности.

Въ странахъ, гдѣ незамѣтно сбереженія, вслѣдствіе неблагоприятнаго положенія земель, земля теряетъ свою цѣнность; въ этихъ же мѣстностяхъ, по отсутствію средствъ мѣны, поземельный доходъ незначителенъ. Такимъ образомъ продажная цѣна и рента, которую земля производитъ, находится въ прямомъ отношеніи къ

*

капиталамъ, которые могутъ быть предлагаемы. Та и другая зависятъ отъ силы сбереженія.

Ад. Смиѣъ предполагалъ, что цѣнность земли находится въ отношеніи къ процентамъ въ томъ смыслѣ, что земля даетъ тотъ же доходъ, что и капиталы, но въ дѣйствительности не всегда такъ бываетъ: земля всегда доставляетъ меньшій доходъ, чѣмъ капиталы; тотъ кто, на примѣръ, не захочетъ употребить капиталы на покупку рентъ, приносящихъ $3\frac{1}{2}$ 0/0, охотно согласится получить $2\frac{1}{2}$ 0/0.

Такое обстоятельство зависитъ отъ многихъ экономическихъ причинъ: для капитала, употребленнаго на землю, менѣе представляется опасности, чѣмъ для употребленнаго на покупку бумагъ государственныхъ; доходъ капиталовъ, завязанныхъ въ землю, постоянно увеличивается, тогда какъ доходы другихъ капиталовъ стремятся понижаться. Эти условія достаточны, чтобы уравновѣсить выгоды движимыхъ капиталовъ въ отношеніи большей легкости полученія съ нихъ доходовъ и реализаціи ихъ.

Кромѣ того должно замѣтить, что поземельная собственность имѣетъ и другія преимущества: она есть собственность видимая, осязаемая, къ которой естественно всѣ привязываются, она всѣми уважается, по преданію. Такимъ образомъ земля изъ всѣхъ родовъ собственности наиболѣе связана съ судьбою общества; она есть огромная сохранныя касса, къ которой стремятся капиталы, завѣщанные предшествовавшими поколѣніями поколѣніямъ грядущимъ.

Особенно важно такое значеніе поземельной собственности въ современную эпоху для нашего отечества. Независимо отъ того, что Россія обладаетъ, по природѣ своей, обширными поземельными богатствами, что $\frac{9}{10}$ ея населенія занято сельскимъ трудомъ, при тѣхъ новыхъ условіяхъ, которыя готовы возникнуть въ скоромъ времени съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости, прежніе обычаи и патріархальныя привычки должны исчезнуть и дать мѣсто новымъ, болѣе разумнымъ началамъ сельской промышленности. Изъ такихъ обстоятельствъ сама собою открывается необходимость знакомства съ поземельными отношеніями, съ ходомъ развитія цѣнности земли и до-

ходовъ, что почерпается единственно изъ указаній экономической науки, излагающей всѣ законы важнѣйшаго свойства земли давать поземельный доходъ, или, такъ называемую поземельную ренту.

Вопросъ о поземельной рентѣ былъ предметомъ продолжительныхъ и оживленныхъ споровъ между лучшими представителями экономическихъ знаній въ Европѣ и чрезвычайно интересенъ въ настоящій моментъ для Россіи.

Принимая все это въ соображеніе, мы рѣшились познакомить русскую публику съ новѣйшими мнѣніями о теоріи поземельной ренты Германіи и Англіи.

Всякое произведеніе человѣческой дѣятельности, какъ результатъ совокупнаго дѣйствія трехъ великихъ агентовъ производства: труда, капитала и земли, естественно въ цѣнѣ своей должно заключать вознагражденіе за участіе ихъ въ созданіи той, или другой вещи и дѣйствительно, владѣльцы этихъ трехъ силъ производительности получаютъ должное возмездіе: работники въ видѣ задѣльной платы, капиталисты въ формѣ процентовъ и собственники земли въ видѣ поземельнаго дохода, или такъ называемой поземельной ренты.

Ученіе о поземельной рентѣ, составляя одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ политической экономіи, съ давнихъ поръ было предметомъ серьезныхъ и обширныхъ изслѣдованій мыслителей, занимавшихся явленіями государственнаго хозяйства. Школа физиократовъ, впервые изложившая въ системѣ истины, касающіяся народнаго хозяйства, первая обратила вниманіе на поземельный доходъ и представила его теорію. Знаменитый Ад. Смиѳъ, разрушившій заблужденія экономистовъ во многихъ частяхъ ихъ ученія, развилъ теорію ренты почти въ томъ же смыслѣ, какъ и физиократы. Въ концѣ прошедшаго столѣтія, докторъ Андерсонъ первый старался представить эту теорію въ истинномъ ея значеніи; въ первой половинѣ 19 вѣка, Уэстъ и Мальеюсъ излагали ее по плану Андерсона, наконецъ извѣстный англійскій экономистъ Давидъ Рикардо, пользуясь трудами своихъ предшественниковъ, создалъ знаменитое ученіе о позе-

мельной рентѣ въ томъ смыслѣ и формѣ, въ какихъ она принималась до послѣдняго времени многочисленными его послѣдователями, какъ въ самой Англии, такъ и на континентѣ. Только въ самые послѣдніе годы теорія Рикардо подвергнута была строгой критикѣ и онъ нашелъ себѣ достойныхъ соперниковъ въ лицѣ американскаго экономиста Кереея и француза Бастіа, поставившихъ себѣ цѣлю создать новую теорію поземельной ренты, которая нашла себѣ многихъ послѣдователей во Франціи, Германіи и Англии. Въ самое послѣднее время вопросъ о рентѣ былъ снова возбужденъ во французской академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, и она предложила его на конкурсъ для рѣшенія. Положенія Рикардо породили горячіе споры и самъ онъ подвергался ожесточеннымъ нападкамъ, которыя и до настоящаго времени не прекратились.

Всѣ ученые, занимавшіеся изслѣдованіемъ законовъ о происхожденіи и развитіи поземельной ренты, могутъ быть раздѣлены на три большіе отдѣла: одни видятъ ея источникъ въ исключительныхъ свойствахъ земли, которая одна даетъ чистый избытокъ (*produit net*), за вознагражденіемъ всѣхъ расходовъ; другіе строятъ системы свои на различіи плодородія земли, къ числу которыхъ принадлежитъ и Рикардо, наконецъ, третьи приписываютъ происхожденіе ренты труду человѣка и капиталу. Перваго мнѣнія придерживались фізіократы, послѣднее послужило основаніемъ ученія Кереея и Бастіа.

Кенé (*Quesnay*), глава и основатель школы «экономистовъ», пораженный упадкомъ французскаго земледѣлія въ половинѣ прошедшаго столѣтія, углубился въ изслѣдованіе причинъ, препятствовавшихъ сельской промышленности совершить тѣ успѣхи, за которые, казалось, ручались и промышленность жителей, и плодородіе почвы и благорастворенность климата. Среди такихъ изысканій онъ скоро открылъ, что запрещенія вывоза хлѣба въ чужія земли и преимущества, дарованная меркантильной политикой Кольберта мануфактурамъ и торговлѣ, полагали сильную преграду успѣхамъ и усовершенствованію земледѣлія. Но не удовольствовавшись изъясненіемъ несправедливости такого преимущества и вредныхъ его послѣдствій, Кенé, побуждаемый

ревностію къ земледѣльческимъ выгодамъ и основываясь на томъ несомнѣнномъ фактѣ, что всѣ произведенія, служащія для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, происхожденіемъ своимъ обязаны главнѣйшимъ образомъ землѣ, провозгласилъ за неопровержимую истину, что земля есть существенный источникъ богатства, что она единственно даетъ чистый избытокъ (*produit net*), за покрытіемъ всѣхъ издержекъ производства. И этотъ-то чистый избытокъ, въ томъ случаѣ, когда собственникъ не будетъ самъ обрабатывать свою землю, а отдаетъ ее въ наемъ другимъ, и составитъ для него «ренту». Слѣдовательно, Кенѣ полагалъ, что *produit net* и рента одно и то же. Но во-первыхъ, то основаніе, которое заставило физиократовъ предположить, что земля одна даетъ чистый избытокъ, что она одна производительна, совершенно ложно. «Экономисты» пришли къ такому положенію отъ ошибочнаго взгляда на сущность производства съ естественными науками, что оно заключается въ созданіи матеріи, тогда какъ въ дѣйствительности вся дѣятельность человѣка состоитъ въ видоизмѣненіи и перемѣщеніи матеріи, а не въ созданіи ея. «Онъ, по выраженію Дету де Траси, не только не можетъ что-либо создать или разрушить, но даже помыслить о созданіи или разрушеніи чего-бы то ни было, и въ этомъ смыслѣ всѣ отрасли промышленности одинаково производительны, одинаково могутъ дать чистый избытокъ и слѣдовательно, идея о преимуществѣ земледѣлія надъ всѣми другими отраслями промышленности не можетъ имѣть мѣста, и объясненіе этимъ преимуществомъ происхожденія ренты совершенно недостаточно. Во-вторыхъ, никакъ нельзя смѣшивать чистый избытокъ съ рентой. Первый, какъ мы увидимъ ниже, можетъ быть очень значителенъ, тогда какъ рента можетъ вовсе не существовать, напр. въ странахъ мало заселенныхъ, обильныхъ плодородными землями, гдѣ замѣчается совершенное отсутствіе соперничества между фермерами, потому что всякій изъ нихъ очень легко можетъ сдѣлаться, при обиліи земли, полнымъ собственникомъ.

Физиократы утверждали, что рента есть подарокъ природы сверхъ содѣйствія, которое оказываетъ она въ

земледѣльческомъ промыслѣ, тогда какъ всякая другая отрасль лишена этого дара.

Между тѣмъ какъ во Франціи физиократы разсуждали о народномъ богатствѣ, въ Англіи, въ г. Глазго тѣмъ же предметомъ занимался Ад. Смиѳъ. На 25 году своей жизни, въ 1776 г. онъ издалъ знаменитое Изслѣдованіе о народномъ богатствѣ, (*) которымъ произвелъ переворотъ въ политико-экономическихъ идеяхъ.

Въ сочиненіи этомъ, которое сильно отражаетъ на себѣ вліяніе физиократовъ Ад. Смиѳъ признаетъ, что во всѣхъ другихъ промыслахъ, кромѣ земледѣлія, природа вовсе не участвуетъ; все производитъ одинъ человѣкъ, между тѣмъ какъ въ земледѣліи она обнаруживаетъ значительное содѣйствіе, и такъ какъ производительность каждаго промысла пропорціональна тѣмъ агентамъ, которые въ немъ дѣйствуютъ, то земледѣліе, по мнѣнію Смиѳа производительнѣе всѣхъ другихъ вѣтвей человеческой дѣятельности, хотя оно не есть единственное производительное занятіе. Изъ этого видно, что авторъ «Изслѣдованія о народномъ богатствѣ» раздѣлялъ воззрѣнія Кенé и его школы на сущность ренты: она, по мнѣнію Смиѳа, была ничто иное какъ вознагражденіе за участіе природы въ земледѣльческомъ промыслѣ. Адамъ Смиѳъ признавалъ также, что степень плодородія земли, мѣстоположеніе и законъ предложенія и требованія имѣютъ вліяніе на размѣръ ренты.

Но, что касается до природы, то мы видѣли уже, что она одинаково содѣйствуетъ человѣку во всѣхъ промыслахъ и, можетъ быть, въ мануфактурной промышленности еще въ значительнѣйшей степени, чѣмъ въ земледѣліи. Главнѣйшая причина, воспрепятствовавшая Смиѳу составить ясное и здоровое понятіе о происхожденіи ренты, по объясненію профессора Мекъ-Коллоха, заключается главнѣйше въ заблужденіи относительно постоянства хлѣбныхъ цѣнъ. Онъ полагалъ, что хлѣбъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ неизмѣнная мѣра цѣнъ за нѣсколько лѣтъ; оставивъ въ сторонѣ всѣ колебанія, причиненныя неравенствомъ урожаевъ, онѣ будутъ совершенно тождественны въ сущности и всѣ неравенства должны

An inquiry into the nature and causes of the wealth of nation 2 vol. Lond. 1776.

быть приписаны измѣненію цѣнности монеты. Причиной такого постоянства цѣны хлѣба Смиѳъ считаетъ всегдашнюю пропорціональность между предложеніемъ и требованіемъ; но если бы и дѣйствительно это было бы такъ, то требованіе и предложеніе ничего не значатъ въ этомъ отношеніи. Конечно, никто не будетъ производить хлѣба, когда на него нѣтъ требованія, но цѣнность его зависитъ не только отъ этого требованія, а также и отъ количества труда, потребнаго для его производства. Жители различныхъ странъ имѣютъ всѣ одинаковую потребность въ этомъ продуктѣ, но, вслѣдствіе различнаго плодородія земли и слѣдовательно неодинаковаго количества труда, потребнаго для его производства, цѣны хлѣба въ однихъ мѣстахъ въ половину болѣе, нежели въ другихъ, и наоборотъ.

Изъ этого краткаго обзора воззрѣній физіократовъ и Ад. Смиѳа на сущность и происхожденіе поземельной ренты мы видимъ, что ни экономисты, ни основатель науки политической экономіи не имѣли истиннаго понятія объ источникѣ и значеніи той части дохода, которая идетъ собственнику земли. Знаменитый шотландскій экономистъ, бросившій много истинно великихъ взглядовъ на явленія государственнаго хозяйства, нашелъ себѣ многочисленныхъ послѣдователей, которые принимали положенія главы индустріальной школы и раздѣляли вполнѣ его воззрѣнія на сущность поземельной ренты. Изъ наиболѣе достойныхъ приверженцевъ ученія Смиѳа назовемъ Ж. Б. Сэ, Сисмонди и Шторха.

Между тѣмъ въ концѣ прошедшаго столѣтія, на другой годъ по выходѣ въ свѣтъ творенія Ад. Смиѳа, докторъ Джемсъ Андерсонъ (*) издалъ брошюру: «О хлѣбныхъ законахъ,» въ которой впервые, помощію ученаго и оригинальнаго анализа, старался построить истинную теорію поземельной ренты. Онъ отвергъ воззрѣнія на нее своихъ предшественниковъ, какъ на вознагражденіе за даровое содѣйствіе природы, и полагалъ, что рента обязана происхожденіемъ своимъ различію въ плодородіи земли и что безгранично прилагаемый капиталъ къ землѣ извѣстнаго качества не можетъ доставить доходъ

(*) Examen des lois sur le blé, 1777.

пропорціональный его количеству. Андерсонъ такъ объяснял происхожденіе ренты:

«Во всѣхъ странахъ, говорилъ онъ, существуютъ участки земли, различные по своему плодородію, и собственникъ, или фермеръ, обрабатывая эти участки перваго рода, естественно можетъ продавать свои произведенія по болѣе низкой цѣнѣ, нежели всѣ другіе владѣльцы или сѣемщики, занимающіеся обработкою земель менѣе плодородныхъ. И если хлѣбъ, получаемый съ земель перваго рода, недостаточенъ для продовольствія рынка, то цѣна естественно должна подниматься для вознагражденія издержекъ, потребныхъ на воздѣлываніе участковъ менѣе плодородныхъ. Между тѣмъ владѣлецъ земель перваго рода продаетъ свой хлѣбъ по той же цѣнѣ, по какой уступаетъ его владѣлецъ земель втораго рода и слѣдовательно, онъ получаетъ болѣе, чѣмъ сколько стоитъ ему производство. Тогда очень можетъ быть, что многіе пожелаютъ пріобрѣсти эти участки, находящіеся въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, соглашаясь дать владѣльцу ихъ извѣстную премію, измѣняющуюся по мѣрѣ измѣненія плодородія, и эта-то премія и есть то, что мы называемъ рентой.»

Такія превосходныя изслѣдованія Андерсона въ моментъ ихъ появленія не обратили на себя должнаго вниманія и скоро были забыты, такъ что, когда въ 1815 г. Уэстъ и Мальеюсъ издали свои трактаты о рентѣ, ихъ считали за истинныхъ творцевъ ученія о поземельномъ доходѣ.

Мальеюсъ (*) сравниваетъ землю съ огромной машиной, назначенной для производства жизненныхъ продуктовъ, или, лучше, земля, какъ говоритъ онъ, представляетъ собою совокупность машинъ, одаренныхъ чрезвычайно различными качествами и эта-то послѣдняя черта отличаетъ ихъ отъ другихъ машинъ, употребляемыхъ въ мануфактурной промышленности, которыя могутъ быть увеличены до безконечности, тогда какъ первыя, не будучи произведеніемъ человѣка, не могутъ быть размножены по его произволу. Такъ какъ совершеннѣйшія машины находятся въ ограниченномъ числѣ для удовле-

(*) *Principes d'Econ. pol. ch. III, sect. V, p. 158 — 159*

ніа всѣхъ потребностей страны, а менѣе совершенныя производятъ тоже количество продуктовъ съ большими издержками, то для покрытія этихъ издержекъ цѣна должна естественно возвыситься и, при невозможности существованія на рынкѣ двухъ различныхъ цѣнъ для хлѣба, равнаго качества, тѣ машины, которыя употребляютъ съ меньшими издержками, должны давать владѣльцу ихъ извѣстный доходъ, пропорціональный ихъ качеству, и этотъ доходъ есть рента.

Таковы были объясненія происхожденія поземельной ренты, предшествовавшія изложенію ея теоріи Давидомъ Рикардо въ той формѣ, въ какой она принимается въ настоящее время.

«Когда люди, говоритъ Рикардо во 2-ой главѣ своихъ Началъ политической экономіи, (*) дѣлаютъ первыя заселенія въ странѣ богатой и плодородной, гдѣ земли много, тогда никто не захочетъ платить за наемъ ея, ибо земля большею частію не имѣетъ владѣльцевъ и принадлежитъ всякому, кто захочетъ ее обрабатывать. Тогда не можетъ существовать ренты по тѣмъ же причинамъ, по которымъ никто не платитъ за право пользованія водою, воздухомъ и другими естественными силами, распространенными въ неограниченномъ количествѣ и предоставленными всякому. Пивоваръ, винный заводчикъ и красильщикъ употребляютъ непрерывно при своихъ производствахъ воздухъ и воду но такъ какъ источникъ этихъ силъ неистощимъ, то они не платятъ за нихъ никакой денежной цѣны. Еслибы земли имѣли повсюду одинаковыя качества и еслибы не было для нихъ предѣловъ, тогда, конечно, нельзя было бы для нихъ требовать платы за право обработки, за которое платятъ только тогда, когда земли различны по производительности и когда, съ размноженіемъ населенія является необходимость воздѣлывать почвы менѣе плодородныя или имѣющія худшее положеніе. Какъ скоро, съ успѣхами общества, приступаютъ къ обработкѣ земель второстепеннаго качества, то появляется рента для земель перваго класса. Словомъ, при каждомъ умноженіи народа, которое заставляеть, для добыванія питательныхъ средствъ, обрабатывать худшія поля, наемъ

(*) Principes d'Ec. Pol., T. III, Collection, p. 44.

земель лучшихъ будетъ возвышаться. Положимъ, что при употребленіи одинаковыхъ капитала и труда три разряда земель даютъ: 1-ый—100, 2-ой—90, 3-й — 80 четвертей. Если по числу народа достаточно обрабатывать земли перваго разряда, то весь остатокъ, за уплатою труда, пойдетъ къ владѣльцу, какъ доходъ съ капитала, употребленнаго на промыселъ, а не какъ рента. Но когда увеличеніе народа заставитъ воздѣлывать земли 2 разряда, дающія 90 четвертей, тогда возникаетъ рента для земель 1-го рода: предпринимателю все равно, получаютъ ли съ земель 2 разряда 90 четвертей, или нанять съ платою 10-ти четвертей (или ихъ цѣнности) земли, дающія 100 четв. Тоже произойдетъ, когда надо будетъ воздѣлывать земли 3 класса. Результатъ получится тотъ же, обрабатывать ли землю, дающую 80 четв. или съ платою 10 четвертей воздѣлывать землю втораго разряда или, наконецъ, нанимать землю, приносящую 100 четв. съ уплатою 20 четвертей или ихъ цѣнности за наемъ.

Иногда случается, что вмѣсто того, чтобы приступать къ обработкѣ земель втораго и третьяго разряда, выгоднѣе приложить новый капиталъ на старую землю. Хотя второе приложеніе капитала не дастъ того же количества продуктовъ, какое получено при первомъ его употребленіи, но можетъ случиться, что новый капиталъ дастъ на землѣ перваго разряда 85, тогда нѣтъ надобности воздѣлывать землю третьяго класса. Здѣсь является рента: если посредствомъ капитала въ 1000 сѣмщикъ получаетъ 100 четв. и чрезъ приложеніе новыхъ 1000 онъ получитъ 85 ч., то владѣлецъ вправѣ требовать 15 четв. потому, что 85 ч., вознаграждающія издержки производства при употребленіи втораго капитала, вознаграждаютъ ихъ и при употребленіи перваго, слѣд. 15 ч., получаемая сверхъ вознагражденія, должны составлять ренту. Итакъ, рента есть разница въ продуктѣ, получаемомъ при употребленіи равныхъ количествъ капитала и труда.»

Изъ этого ученія Рикардо видно, что рента не происходитъ единственно отъ собственныхъ силъ земли, которая будто бы производительнѣе, чѣмъ всѣ другіе источники производства, ибо, сверхъ вознагражденія за трудъ и капиталъ, даетъ еще избытокъ. Если бы рен-

та была дѣйствительно такимъ избыткомъ, благодѣтельнымъ даромъ природы, то это составляло бы постоянное увеличеніе доходовъ общества, но мы видимъ, что когда земли плодородныя находятся въ обилии, то рента, или вовсе не существуетъ, или очень незначительна. Она возникаетъ и усиливается по мѣрѣ того, какъ прибѣгаютъ къ обработкѣ земель, менѣе плодородныхъ.

Странно, говоритъ авторъ, что именно то свойство земли, которое должно было считаться ея недостаткомъ, признавалось за достоинство. Если бы воздухъ, вода, давленіе атмосферы имѣли различныя качества и были ограничены въ количествѣ и способны къ присвоенію, то и для нихъ существовала бы рента, но этого обстоятельства нельзя было бы признать за достоинство, ибо всякій разъ, при расширеніи производства, необходимо было бы употреблять низшіе разряды естественныхъ дѣятелей и цѣны товаровъ поднимались бы. Слѣдовательно рента не есть причина богатства, какъ думали фізіократы.

Это послѣднее положеніе Рикардо имѣетъ огромное практическое значеніе, по отношенію къ хлѣбнымъ законамъ Англіи, уничтоженію которыхъ въ 1846 г. не мало содѣйствовало ученіе Рикардо и самъ знаменитый творецъ его.

Въ 1815 г., когда начались споры о биллѣ, отмѣняющемъ хлѣбные законы въ Англіи, Рикардо поддерживалъ начала свободной торговли въ Англіи и имѣлъ огромное вліяніе на рѣшеніе вопроса въ парламентѣ. Онъ доказалъ, что запретительная система противъ иностраннаго хлѣба поставляетъ англійскихъ фермеровъ въ положеніе неблагопріятное и содѣйствуетъ возвышенію цѣнъ на національный хлѣбъ выше цѣнъ заграничныхъ. Высокія пошлины не позволяютъ ввоза чужеземнаго хлѣба и тѣмъ заставляютъ прибѣгать къ воздѣлыванію худшихъ земель, отчего возвышаются цѣны на хлѣбъ, а рента возрастаетъ; при этомъ теряютъ потребители, получая необходимые предметы по дорогой цѣнѣ, теряютъ и производители, потому что во-первыхъ, они такъ же въ свою очередь потребители, и во-вторыхъ потому, что должны были платить рабочимъ высшую задѣльную плату, которая всегда соразмѣряется съ

цѣною хлѣба. Уничтоженіе же законовъ о хлѣбѣ и дозволеніе его привоза из-за границы естественно должно понизить цѣны.

Рикардо полагалъ общимъ правиломъ, что земледѣліе начинается обработкою земель болѣе плодородныхъ; потомъ, когда народонаселеніе страны вмѣстѣ съ запросомъ на земледѣльческія произведенія увеличивается, то является возможность и выгода обрабатывать съ большими издержками земли менѣе плодородныя, отчего цѣна на земледѣльческія произведенія подымается и вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ и рента съ земель болѣе плодородныхъ.

Послѣ изложенія въ главныхъ чертахъ ученія Рикардо, мы должны обратить особое вниманіе какъ на многочисленныхъ его послѣдователей, такъ и на противниковъ.

Между первыми изъ новѣйшихъ экономистовъ замѣчательны англійскіе ученые Мекъ-Коллохъ и Д. С. Милль; но особенно по своей оригинальности и самой формѣ, въ которой выражена теорія поземельной ренты, обращаютъ на себя вниманіе два германскіе ученые экономиста: Тюненъ (*) и Рошеръ. (**)

Разсматривая изложеніе Тюнена, нельзя пройти молчаніемъ методъ его изслѣдованія. Онъ въ извѣстномъ сочиненіи своемъ: «Уединенное государство» употребляетъ способъ математическій. Тюненъ съ необыкновеннымъ даромъ къ строгому анализу разлагаетъ самые сложные экономическіе факты и, принимая какую-нибудь одну форму, подвергаетъ ее послѣдовательному вліянію разныхъ дѣйствующихъ причинъ и такимъ образомъ переноситъ вопросы практическіе въ сферу отвлеченную, теоретическую.

Для рѣшенія разныхъ вопросовъ, относящихся до экономическаго быта страны, Тюненъ предполагаетъ существованіе уединеннаго государства, т. е. онъ переноситъ свои изслѣдованія изъ дѣйствительности въ область государства, отдаленнаго отъ всего міра и надъ нимъ дѣлаетъ различныя опыты.

(*) Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirthschaft.

(**) Princ. d'Econ. pol. 2 глава.

Что же касается до главнаго предмета нашей статьи, до поземельной ренты, то Тюненъ ученіе о ней представляетъ совершенно согласнымъ съ изложеніемъ Рикардо. Изъ хода изслѣдованія германскаго экономиста ясно обозначается первая причина преимущества одного участка земли предъ другимъ по положенію или по качеству, потому что рыночная цѣна произведенія опредѣляется издержками на менѣе выгодныхъ условіяхъ, при чемъ излишекъ доходовъ на болѣе выгодныхъ составляетъ поземельную ренту. Ограниченность земли, по мнѣнію Тюнена, составляетъ вторую причину ренты; третья, болѣе важная, есть невозможность безграничнаго наложенія производства на одномъ и томъ же мѣстѣ. Наложеніе производства по слоямъ есть послѣдовательный вкладъ капиталовъ на томъ же самомъ мѣстѣ и для того же промысла. Еслибы каждый вновь вложенный капиталъ увеличивалъ одинаково производительность земли и приносилъ бы пропорціональный доходъ, то поземельная рента не могла бы образоваться. Каждый капиталъ послѣдне-вложенный въ производство приноситъ дохода всегда менѣе, чѣмъ предпослѣдній; въ этомъ законѣ заключается коренная причина поземельной ренты и на основаніи его поземельный доходъ есть ничто иное, какъ разность между доходами, получаемыми съ равныхъ капиталовъ, употребленныхъ на томъ же мѣстѣ, или въ различныхъ мѣстахъ.

Такимъ образомъ изъ этого воззрѣнія на сущность поземельной ренты, мы видимъ, что теорія Тюнена совершенно согласна съ ученіемъ англійскаго экономиста, только первая изложена въ болѣе понятной и привлекательной формѣ, что составляетъ важное ея достоинство, ибо слишкомъ отвлеченный харатеръ изложенія Рикардо много вредилъ полному и правильному сознанію многихъ его истинъ.

Другой замѣчательный экономистъ, основатель исторической школы, В. Рошеръ, излагавшій теорію ренты въ духѣ Рикардо, много пояснилъ и подтвердилъ выводы и заключенія автора обширными историческими примѣрами. Система Рошера имѣетъ огромное значеніе въ томъ отношеніи, что теоретическія начала, развитыя въ ученіи англійскаго экономиста, подтверждены историче-

скими фактами, совершившимися въ экономической исторіи народовъ. Помощію такого изслѣдованія отвлеченныя положенія теоріи ренты пріобрѣли болѣе практическій характеръ. Рошеръ даетъ такое опредѣленіе ренты: онъ говоритъ, что рента составляетъ тотъ остатокъ, который остается по вычетѣ задѣльной платы и капитальныхъ процентовъ изъ продажной цѣны земли. Онъ обращаетъ особенное вниманіе на различіе этихъ процентовъ отъ ренты и приводитъ примѣръ, изъ котораго можно видѣть, что земля цѣнится выше. Такъ въ Гессенскомъ герцогствѣ цѣнность лѣсовъ, луговъ и полей опредѣлена была 205 — 206 милліоновъ талеровъ, а цѣнность домовъ 100 м. т. Подоходный налогъ въ Англіи показалъ въ 1843 г., что поземельная собственность цѣнилась въ 45 м., а дома 38 м. ф. стер. Кромѣ того авторъ замѣчаетъ, что въ кортомѣ не заключается вся рента: часть ея идетъ въ видѣ налога къ государству.

Рошеръ признаетъ тотъ же ходъ обработки земли, какъ и Рикардо, и различіе въ положеніи земель. Надо понять, — говоритъ онъ, — только разницу въ расходахъ на перевозку удобреній, чтобы понять вліяніе разстоянія поля отъ жилища. Въ Саксоніи оказалось, что дистанція въ 250 тоазовъ возвышаетъ расходы на 10⁰/₀, а дистанція въ 500 — на 20⁰/₀. Цѣна земли зависитъ отъ возвышенія или уменьшенія ренты; она возвышается, или падаетъ, смотря по тому, увеличивается или уменьшается рента; но изъ этого нельзя еще заключать, богатѣетъ или бѣднѣетъ страна; возвышеніе и паденіе цѣны можетъ происходить отъ измѣненій въ цѣнности монеты и процентовъ. Во Франціи земли, относительно ихъ продажной цѣны, не даютъ болѣе 2⁰/₀ и 3⁰/₀, но рента и цѣны возвысились и удвоились съ 1794 — 1844 г.

Развивъ такимъ образомъ вопросы, относящіеся до поземельной ренты, изъ коихъ мы упомянули только о самыхъ главныхъ, Рошеръ излагаетъ исторію ренты. У бѣднаго народа, — говоритъ онъ, — рента незначительна. Въ Туркестанѣ опредѣляли цѣнность земли по количеству воды, протекавшей по ней, въ Буйносъ-Айресъ — по количеству скота, въ Россіи — по числу душъ. Въ средніе вѣка рента также была незначительна, но эта незначительность возмѣщалась тѣмъ почетомъ, которымъ пользовались собственники земли.

Владѣльцы земли во всѣ средніе вѣка пользовались въ свою выгоду такимъ положеніемъ, уменьшая задѣльную плату рабствомъ и другими подобными учрежденіями и капитальные проценты запретительными законами и такимъ образомъ увеличивали свою часть въ общемъ итогѣ народныхъ доходовъ.

Успѣхи цивилизаціи троякимъ образомъ способствуютъ увеличенію ренты: 1) Увеличеніе населенія вызываетъ бѣольшую обработку. Рау говоритъ, что рента, при населеніи въ Треве 3010 жителей, была 28 зильбер-грош. за моргенъ земли; въ Кобленцѣ, при населеніи 3,860 — 35, въ Кельнѣ при населеніи 5460 — 66 з. гр. 2) Капиталь, увеличиваясь и народонаселеніе сосредоточиваясь въ городахъ, производитъ тѣ же слѣдствія; частныя земли, на которыхъ дѣлаются улучшенія, не производятъ никакого вліянія на ренту, но когда они распространяются на всю страну, тогда является, при невозможности вывоза хлѣба, необходимость сократить производство, и рента уменьшается. Многіе писатели сомнѣваются въ этомъ предположеніи, но Рошеръ справедливо замѣчаетъ, что именно въ такомъ состояніи находилась Германія въ 1820 г. Земледѣльческій кризисъ, бывшій въ ней, вызванъ былъ значительнымъ развитіемъ сельскаго хозяйства, не соотвѣтствующимъ размноженію населенія. Англія, по свидѣтельству Мэк-Коллоха, тоже была въ такомъ положеніи. Такое положеніе сохраняется до тѣхъ поръ, пока населеніе не станетъ увеличиваться, но какъ скоро увеличеніе это обнаружится, рента снова возрастаетъ, ибо начинаютъ обрабатывать новыя земли, рента возвышается, обыкновенно абсолютно, но падаетъ относительно общихъ доходовъ государства. 3) Слѣдствія, которыя влечетъ за собою улучшеніе земли, выражаются въ бѣольшемъ производствѣ мельничнаго промысла, въ улучшеніи путей сообщеній. Такъ во Франціи въ 16 столѣтіи извлекали изъ сеты пшеницы не болѣе 144 ф. хлѣба, а въ настоящее время извлекаютъ 240. Въ началѣ 18 столѣтія графства, близкіе къ Лондону, жаловались въ парламентъ на проведеніе дорогъ, что уменьшало ихъ ренту. Мальеюсъ утверждалъ, что, если работники будутъ довольствоваться картофелемъ, то рента упадетъ. Такимъ образомъ земли, дѣлаясь болѣе производительными, тре-

буютъ большую ренту, тогда какъ рента другихъ земель уменьшается и не только относительно, но и абсолютно, когда спросъ не развивается.

Два знаменитые экономиста такимъ образомъ различными путями уяснили, дополнили и развили теорію ренты, представленную Рикардо: одинъ путемъ строгаго математическаго анализа, другой непреложнымъ историческимъ опытомъ.

Рикардо имѣлъ и многочисленныхъ противниковъ. Въ Англіи Джонсъ, въ Германіи Виртъ и Родбертусъ, во Франціи Бастіа, коммунисты, въ Америкѣ Керей. Разсмотримъ возраженія нѣкоторыхъ изъ этихъ мыслителей.

«Хотя качество почвы, говоритъ Воловскій (*) и можетъ имѣть важное вліяніе на выборъ мѣста для первоначальныхъ поселеній, но это вліяніе вовсе не такъ неотразимо, какъ думаетъ Рикардо. Положеніе мѣстности и многія другія обстоятельства заставляли часто отдавать предпочтеніе посредственнымъ мѣстностямъ предъ наилучшими.» Это возраженіе положительно неосновательно. Въ томъ, что положеніе земли имѣетъ важное вліяніе, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, эти качества земли именно часто бываютъ неотразимы, вопреки мнѣнію Воловскаго. Послушаемъ, что сказалъ въ этомъ отношеніи почтенный профессоръ нашъ Бабстъ (***) на первой лекціи политической экономіи, читанной въ Москвѣ въ настоящемъ году. «Гдѣ какъ не на историческомъ Средиземномъ морѣ начались первые зародыши цивилизаціи, гдѣ, какъ не у побережья большихъ рѣкъ, этихъ естественныхъ путей сообщенія, развивается и скорѣе, и удобнѣе, и шире народная промышленность.» Кромѣ того, положеніе Рикардо о порядкѣ обработки вовсе не имѣетъ большаго значенія. Не будетъ никакого различія во вліяніи земли, если даже будутъ начинать обработку въ иномъ порядкѣ, чѣмъ въ какомъ предполагалъ ее Рикардо. Въ этомъ же духѣ были дѣлаемы возраженія противъ теоріи англійскаго экономиста и другими писателями, напр. Родбертусомъ, но особенно замѣчательные противники были Керей и Бастіа.

(*) Приложение къ соч. Рошера.

(**) Вѣстникъ Промышленности № 3, 1860 г.

Приведя различныя опредѣленія, сдѣланныя англійскими экономистами, Бастіа во-первыхъ доказываетъ, что мнѣніе Рикардо относительно вознагражденія за землю несправедливо. Онъ говоритъ, что «земля сама по себѣ ничего не стоитъ».

Рошеръ, о которомъ мы уже говорили, сдѣлалъ на это тонкое замѣчаніе.

«Предположимъ, — говоритъ онъ, — что островъ, съ «почвою чрезвычайно плодородною», внезапно выступилъ изъ волнъ, близъ Неаполя, вслѣдствіе землетрясенія; конечно, всякій согласится, что эта земля тотчасъ получитъ большую цѣнность и дастъ ренту прежде, нежели ея коснется какой-нибудь трудъ, или капиталъ. Этотъ даръ потому и будетъ цѣненъ, что онъ находится въ одномъ экземплярѣ и потому не въ состояніи будетъ увеличить предложеній.

Другое возраженіе, силу котораго признаетъ самъ Бастіа, состоитъ въ томъ, что чѣмъ плодороднѣе земля, тѣмъ дороже она стоитъ, тѣмъ приноситъ большій доходъ. Далѣе, Бастіа утверждаетъ, что богатства, не составляющія произведенія человѣческаго труда, не могутъ существовать и что слѣд. рента есть вознагражденіе за трудъ и проценты съ капитала, употребленнаго на присвоеніе или улучшеніе земли. Но независимо отъ того, что мы имѣли случай высказать, относительно плодородія земли, замѣтимъ, что одинаковое приложеніе труда и капитала на участки, различныя по производительности своей, не даетъ одинаковаго количества произведеній, и на нѣкоторыхъ участкахъ, сверхъ вознагражденія за трудъ и капиталъ, получается еще избытокъ или рента.

Наконецъ, важнѣйшая ошибка, которая замѣчается, какъ у Бастіа, такъ и у всѣхъ другихъ противниковъ Рикардо, которая достаточна одна, чтобы породить и сдѣлать нескончаемыми всѣ споры, заключается въ томъ, что при сравненіи поземельныхъ доходовъ, не принимаютъ различія въ родахъ и видахъ земледѣльской промышленности, и считаютъ различіе въ плодородіи понятіемъ абсолютнымъ, тогда какъ оно никогда не можетъ быть таковымъ. Условія

успѣховъ въ различныхъ видахъ поземельной обработки, не только различны въ отношеніи къ такимъ отраслямъ, каковы земледѣльство и рудокопство, но они различны при воздѣльваніи пшеницы и ржи, въ винодѣліи для извлеченія винограда, какъ фрукта и какъ продукта для изготовленія вина. Изъ двухъ вѣтвей земледѣльской промышленности, если одна изъ нихъ находится въ выгодномъ положеніи, а другая не пользуется имъ—ни для одной изъ нихъ не будетъ ренты, если есть еще достаточно незанятыхъ участковъ. Короче, рента не можетъ существовать для извѣстныхъ отраслей земледѣльской промышленности, если они находятся въ одинаковыхъ обстоятельствахъ, какъ бы ни были абсолютны условія каждой изъ нихъ.

Касательно тѣхъ слѣдствій, которыя, по мнѣнію противниковъ Рикардо, вытекаютъ изъ его ученія, замѣчаютъ, что дороговизна будетъ постоянно увеличиваться, отъ возвышенія ренты въ ущербъ задѣльной платы и капитальныхъ процентовъ и этимъ воспользуются только собственники земли, аристократы, сильные міра сего; тогда какъ по теоріи Бастіа, признающей постоянное, ненарушимое существованіе такого распредѣленія, въ силу котораго интересы собственника и сѣмщика, капиталиста и работника находятся въ совершенной гармоніи, одни не могутъ улучшиться безъ улучшенія другихъ.

Бастіа о ученіи Рикардо выразился въ слѣдующемъ знаменитомъ изрѣченіи: «N'oubliez pas que la theorie de Ricardo se resume ainsi: La proprieté fonciere est un monopole injuste, mais necessaire, dont l'effet est de rendre fatalement le riche plus riche et le pauvre plus pauvre.» Но если въ нѣкоторыхъ случаяхъ и бываетъ дѣйствительно такъ, какъ предполагаетъ французскій экономистъ, то причина этого явленія лежитъ въ иныхъ обстоятельствахъ, вовсе независящихъ отъ сущности теоріи ренты. Бастіа, произнесшій приведенныя нами слова, изрекъ ихъ отъ невниманія ко многимъ важнымъ обстоятельствамъ, на которыя мы и намѣрены обратить безпристрастное вниманіе читателей.

Рикардо назвалъ поземельную собственность «монопольей» вовсе не въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно соединяютъ съ этимъ словомъ, т. е. въ смыслѣ вредномъ и пагубномъ; въ этомъ смыслѣ его можно только упрекнуть въ употребленіи бесполезнаго слова, легко замѣнимаго болѣе благозвучнымъ. Дѣйствительно, есть случаи, когда участокъ земли можетъ находиться въ исключительныхъ обстоятельствахъ, устраняющихъ возможность всякаго соперничества, именно, это бываетъ тогда, когда на этомъ участкѣ производится такой продуктъ, который не можетъ быть произведенъ съ равными качествами на другомъ, напр. виноградники, которые производятъ извѣстные сорта вина, или участки, на которыхъ произрастаетъ превосходный табакъ.

Въ этомъ случаѣ земли эти дѣйствительно пользуются «естественной монополіей», или, что гораздо привлекательнѣе, «извѣстными преимуществами». Тогда только эту монополію или преимущества можно почесть искусственными, слѣд. и пагубными, когда существуютъ подобные же участки, могущіе производить вино, или табакъ, равные качествомъ первымъ, но по какимъ-либо запрещеніямъ отстраненные отъ всякой конкуренціи. Это порожденіе монополіи человѣческими учрежденіями не входитъ въ наше разсмотрѣніе; что же касается до естественной монополіи, вытекающей изъ естественнаго порядка вещей, то въ ней нисколько нельзя винить Рикардо. Притомъ въ такихъ исключительныхъ условіяхъ можетъ находиться не только поземельная собственность, но и всякой другой промыселъ, что превосходно было доказано, какъ увидимъ въ послѣдствіи, въ одной новой теоріи ренты.

Бастіа, признавъ поземельную собственность монополіей, говоритъ, что она «несправедлива, хотя и необходима»; но дѣйствительно ли это преимущество, это исключительное положеніе поземельной собственности несправедливо? Не происходитъ ли нѣчто подобное во всѣхъ другихъ отрасляхъ производительнаго труда? Представимъ себѣ страну, гдѣ находится два какихъ-нибудь завода, выдѣлывающіе необходимые предметы потребе-

нія, напр. свѣчи, и вмѣстѣ съ тѣмъ вообразимъ, что страна эта находится на низкой степени развитія и не имѣетъ никакихъ страховыхъ учрежденій. Одинъ изъ этихъ заводовъ сгараетъ, вслѣдствіе чего цѣнность свѣчей повышается, и хозяинъ уцѣлѣвшаго завода, въ теченіи извѣстнаго времени, за производства свои получаетъ, сверхъ издержекъ, еще значительный избытокъ. Чему обязанъ онъ такимъ преимуществомъ? Совершенно естественному закону всякой мѣны, основывающемуся на равенствѣ услугъ. Услуги, оказываемыя фабрикантомъ потребителямъ, вслѣдствіе измѣненія одного изъ элементовъ цѣнности—предложенія, — въ чемъ никто не рѣшится упрекнуть его, возвысили цѣну. Слѣдовательно не несправедливость должно видѣть въ этомъ, а другія обстоятельства, которыя позволяютъ заводчику пользоваться излишнимъ доходомъ, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, и это обстоятельство есть недостатокъ въ распредѣленіи богатствъ.

Все дѣло въ томъ, что въ приведенномъ примѣрѣ возможность воспользоваться избыткомъ происходитъ отъ отсутствія учрежденій, которыя способствовали болѣе правильному и совершенному распредѣленію богатства, отъ отсутствія страховыхъ обществъ, которыя бы, посредствомъ взиманія извѣстной преміи ежегодно, уничтожали возможность потерпѣть несчастіе одному заводчику и воспользоваться другому. Слѣд. все зависитъ, — повторяемъ, — отъ недостатковъ въ распредѣленіи богатствъ, отъ несовершенства человѣческихъ учрежденій, которыя, какъ и все въ мірѣ, должны прогрессивно улучшаться, отчего только и можно ожидать успѣховъ въ распредѣленіи богатства. Но никакъ не позволительно упрекать мыслителя за обнаруженіе факта, не совсѣмъ льстящаго самолюбію человѣка и, вмѣстѣ съ Бастіа, называть такое естественное преимущество несправедливостію, а вмѣстѣ съ Прудономъ, опозорить собственность названіемъ «похищенія».

Если мы теперь примѣнимъ предшествовавшія разсужденія къ нашему главному предмету—поземельной собственности, то увидимъ, что и рента уплачивается только потому, что одинъ производитель встрѣчаетъ болѣе

затрудненій въ производствѣ продукта, чѣмъ другой. Правда, что тутъ нѣтъ совершеннаго убытка, который терпитъ въ приведенномъ примѣрѣ заводчикъ; ибо владѣлецъ пользуется процентами съ капитала и земля его не можетъ совершенно уничтожиться. Изъ этого видно, что главный принципъ остается тотъ же, измѣняется только степень убытковъ, и также точно владѣльца, находящагося въ лучшихъ обстоятельствахъ, нельзя упрекнуть въ незаконномъ дѣйствіи, какъ и хозяина завода, выручающаго большую сумму за свои продукты. Первый такъ же точно, какъ и второй, не устанавливаетъ цѣны, которая всегда зависитъ отъ спроса и предложенія.

Въ первомъ примѣрѣ мы видѣли, что помочь горю, лишить фабриканта возможности воспользоваться бѣдствіемъ другаго существуетъ простое средство—страховая обществу. Чтоже касается до отстраненія этой возможности у земледѣльцевъ, находящихся въ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, то для этого многіе писатели предлагали обложеніе ренты налогомъ, который бы, служа къ удовлетворенію общихъ нуждъ, парализировалъ бы тотъ избытокъ, который вытекаетъ изъ исключительнаго присвоенія владѣльцемъ этого избытка въ свою пользу, и такимъ образомъ гармонія общественныхъ интересовъ сохранилась бы.

Начертать общую и подробную систему такого налога довольно трудно, ибо весьма затруднительно поглотить «всю» ренту въ видѣ налога и «только ее единственно», не касаясь другихъ родовъ доходовъ. Кромѣ того, рента, измѣняясь въ количествѣ, заставляетъ разнообразить вычисленія до безконечности, наконецъ затрудненія начертать общую систему этого налога заключаются въ самомъ способѣ его взиманія, всегда тѣсно связаннаго съ административною организаціею извѣстнаго общества. Впрочемъ Тюненъ сдѣлалъ попытку представить систему подобнаго налога, о которой мы скажемъ въ послѣдствіи.

Налогъ необходимъ во всякой странѣ, ибо всегда имѣется необходимость въ издержкахъ, которымъ должны содѣйствовать всѣ граждане безъ исключенія; но налогъ на всѣ другіе источники промышленной жизни, не ка-

саясь ренты, нарушаетъ порядокъ и справедливость жизни, и останавливаетъ развитіе многихъ родовъ человеческого труда. Нѣкоторые, напротивъ, считаютъ ренту единственнымъ источникомъ налога, — это тоже несправедливо. Рента, какъ и всѣ прочіе доходы, должна быть «однимъ изъ источниковъ», но никакъ «не исключительнымъ».

Рикардо въ краткой главѣ (X) своего сочиненія доказываетъ, что налогъ на ренту падетъ дѣйствительно на владѣльца земли, что онъ не возвыситъ цѣны произведеній и не причинитъ вреда поземельной собственности; но далѣе онъ обращаетъ вниманіе на невыгоды, которыя можетъ повлечь за собою ходячее мнѣніе, которое признаетъ, что рента одна составляетъ поземельный доходъ. Это мнѣніе можетъ имѣть послѣдствіемъ поглощеніе налогомъ всего дохода, что несправедливо, ибо въ доходѣ заключаются проценты съ капитала, которые естественно должны остаться у землевладѣльца.

Тюненъ считаетъ налогъ на поземельную ренту лучшимъ изъ всѣхъ существующихъ; но говоритъ, что трудно опредѣлить поземельную ренту. Окончательный выводъ его слѣдующій: «Налагаемый осторожно и съ знаніемъ дѣла, но оставляемый безъ измѣненія, по крайней мѣрѣ, на 100 лѣтъ, налогъ на поземельную ренту есть самый безвредный и самый естественный изъ всѣхъ возможныхъ налоговъ».

Возвращаясь снова къ знаменитому изрѣченію Бастіа, замѣтимъ, что необходимость ренты нисколько не вытекаетъ изъ ученія Рикардо. Съ этимъ вопросомъ связанъ другой — о сельско-хозяйственныхъ улучшеніяхъ, который хотя и недостаточно былъ развитъ англійскимъ экономистомъ, тѣмъ не менѣе онъ сознавалъ и понималъ вліяніе улучшеній на ренту, — и даже противники Рикардо, основывающіе свое ученіе на этомъ обстоятельстве, не отказываютъ ему въ признаніи благотворнаго дѣйствія успѣховъ земледѣлія на ренту, говоря только, что онъ не придавалъ имъ должнаго значенія. Рикардо прямо утверждаетъ, что рента не есть причина богатства, ибо оно иногда весьма скоро увеличивается, тогда какъ рента остается въ состояніи застоя, или падаетъ. «Гдѣ бо-

гатство возрастаетъ съ большею скоростію, т. е. въ странахъ, пользующихся большимъ количествомъ плодородныхъ земель, свободною торговлею и сельскими улучшениями, тамъ возрастаніе ренты медленно». Эти слова прямо и неопровержимо доказываютъ значеніе, которое видѣлъ Рикардо въ сельскихъ улучшенияхъ. И дѣйствительно, только въ странахъ варварскихъ, невѣжественныхъ сельское хозяйство не подвигается впередъ, капиталы не возрастаютъ, между тѣмъ какъ населеніе увеличивается, и, при этомъ только обстоятельствѣ доходъ съ земель различнаго качества можетъ имѣть разницу значительную, цѣны и рента возвышаются и—какъ выразился Французскій экономистъ—«богатые богатѣютъ, а бѣдные бѣднѣютъ». Въ странахъ-же, шествующихъ по пути прогресса, гдѣ искусство совершенствуется, капиталы накапливаются,—цѣны необходимо должны уменьшаться, и рента падать,—по крайней мѣрѣ относительно общаго итога богатствъ въ странѣ,—потому что приемы обработки улучшаются, плодородіе земли возрастаетъ къ безвозмездной выгодѣ потребителей, исключая возмѣщеніе капиталовъ, положенныхъ въ землю, что также не можетъ причинить значительныхъ невыгодъ потребителямъ, ибо оно есть только остановка въ пользованіи тѣми благодѣяніями, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ хозяйственнымъ улучшениямъ,—остановка, причиненная необходимостію извѣстнаго промежутка времени для естественнаго развитія конкуренціи.

Бастіа замѣчаетъ, что когда Франція благоденствуетъ, то изъ этого слѣдуетъ общее возвышеніе ренты; онъ приписываетъ возвышеніе доходовъ большому развитію торговли и промысловъ и упускаетъ изъ вида то обстоятельство, что торговецъ, продающій товары свои по низкой цѣнѣ, хотя пользуется и низшими процентами, но если въ то же время общая сумма доходовъ его, произшедшая отъ большаго приложенія капиталовъ, увеличивается, то онъ не можетъ пожаловаться. То же бываетъ и съ собственникомъ, если онъ въ состояніи приложить большій капиталъ къ землѣ, который хотя принесетъ и меньшіе проценты, но общій итогъ ихъ увеличится и въ этихъ доходахъ вовсе не будутъ заключаться ренты, но капитальные проценты. Чѣмъ болѣе

будеть улучшеній, тѣмъ собственникъ болѣе извлечетъ доходовъ и въ то же время рента будетъ уменьшаться, ибо улучшенія повсюду найдутъ подражателей, что уничтожитъ разницу въ производительности земли. Рента можетъ и совершенно исчезнуть въ случаѣ значительнаго приложенія капитала, тогда какъ доходъ капитала все будетъ возрастать и вслѣдствіе того цѣны будутъ ниже и работники будутъ благоденствовать. Изъ всего этого ясно, что нарушеніе гармоніи общественныхъ интересовъ, которое хотятъ видѣть въ ученіи Рикардо, не можетъ проявиться. Намъ кажется, что упущеніе изъ вида того значенія, которое придавалъ Рикардо улучшеніямъ въ сельскомъ дѣлѣ, служитъ главнѣйшею причиною всѣхъ нападокъ на него. Правда, онъ не признавалъ эти успѣхи за необходимые на всѣхъ ступеняхъ народной жизни и постоянно совершающіеся и отъ отсутствія ихъ при извѣстныхъ случаяхъ совершенно логично вывелъ тотъ порядокъ вещей, который усматривается въ варварскомъ обществѣ. Особенно это вѣрно потому, что успѣхи въ сельскомъ хозяйствѣ совершаются, какъ извѣстно, очень медленно. Но изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы авторъ теоріи поземельной ренты хотѣлъ постоянно видѣть общество въ состояніи застоя и варварства и отвергать вліяніе приложенія человѣческаго разума къ улучшенію быта людей, и если геніальныя наблюденія Рикардо представили ему факты въ томъ видѣ, какъ онъ изобразилъ ихъ, то этимъ онъ, напротивъ, только указалъ на существующее зло, для уменьшенія котораго и вѣчнаго совершенства, человѣкъ одаренъ разумомъ, волею и поставленъ на путь прогресса, дабы онъ, какъ разумное существо, лично отвѣтствовалъ за свое земное счастье и былъ самъ виновникомъ своего благосостоянія. Справедливо сказалъ Гизо: «Il n'est donné à l'homme jamais d'arriver à son but; sa gloire est d'y marcher».

Посмотримъ теперь на ученіе другаго противника Рикардо—американца Керэ (*).

Теорія Керэ, въ главнѣйшихъ основаніяхъ своихъ, согласна съ ученіемъ Бастіа. Различіе ихъ заключается

(*) Отеч. Записки № 1. 1860. ст. проф. Бунге.

въ томъ, что Бастіа основывалъ заключенія и выводы свои на чистой теоріи, а Керей, напротивъ, старался подтвердить ихъ фактами, историческимъ опытомъ, но, не смотря на такой раціональный приѣмъ, доказательства этого послѣдняго экономиста и выводы, сдѣланные изъ статистическихъ данныхъ, имъ представленныхъ, по замѣчанію серьезнаго писателя Рошера, невѣрны и противорѣчатъ дѣйствительности.

Извѣстно, что Керэ, подобно Бастіа, причиной цѣнности признаетъ единственно трудъ; Рикардо, напротивъ, признаетъ ограниченіе цѣнности рѣдкостію матеріаловъ и силъ природы, обладаніе которыми создаетъ монополию въ томъ смыслѣ, какъ мы видѣли выше. Н. Хр. Бунге, не смотря на то, что считаетъ себя приверженцомъ ученія Керэ, замѣчаетъ, что послѣдній ошибался въ этомъ отношеніи. Въмѣсто того, чтобы отвергать фактъ монополіи, слѣдовало бы **показать**, какъ вознагражденіе дѣлается эквивалентомъ труда и восстанавливаетъ справедливость. Мы уже указали выше, что монополюсный характеръ зависитъ отъ несовершенства гражданственности: юридическія отношенія обществъ, стоящихъ на низшей степени, представляютъ много монополій и привилегій, придающихъ произведеніямъ и услугамъ цѣнность, несоотвѣтствующую ихъ дѣйствительности. Рабство отвергаетъ самый принципъ цѣнности, дѣлая трудъ даровымъ. При отсутствіи науки, человѣкъ имѣетъ дѣло съ рѣдкостію матеріаловъ и силъ природы, исчезающею, когда наука совершенствуется. Наука дѣлаетъ матеріалы и силы природы неистощимыми, ею условливается соперничество въ тѣхъ отрасляхъ труда, гдѣ вознагражденіе превышаетъ мѣру справедливости, и побуждаетъ геній человѣка приводить цѣнность къ ея нормальной величинѣ. Хотя объ этомъ предметѣ мы имѣли уже случай говорить выше, но въ настоящемъ случаѣ мы снова настаиваемъ на этомъ, потому что твердо убѣждены въ томъ, что ошибочное мнѣніе противниковъ Рикардо о непризнаніи имъ значенія прогресса и улучшеній было важнѣйшею причиной разнорѣчій ихъ съ англійскимъ экономистомъ.

Керэ представляетъ свою теорію въ слѣдующемъ видѣ.

Сперва онъ умозрительно говоритъ о ней. Для объясненія переменъ въ доходахъ онъ предполагаетъ 3 ипотезы. 1) Обработку земель «равнаго» плодородія, при отсутствіи сбыта; послѣднимъ условіемъ онъ устраняетъ вліяніе рынка на доходы и цѣны. 2) Обработку земель «равнаго» плодородія на различныхъ разстояніяхъ. 3) Обработку земель разнаго плодородія на различныхъ разстояніяхъ.—Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ старается доказать, что въ каждую позднѣйшую эпоху, по мѣрѣ накопленія капиталовъ, величина всѣхъ доходовъ возрастаетъ, въ особенности же заработная плата и цѣнность участковъ, выраженная трудомъ,—увеличивается. Предположимъ,—говоритъ авторъ,—что небольшое число семействъ поселилось среди обширныхъ пространствъ земли. Они столько воздѣлываютъ земли, сколько необходимо для пищи, и добываютъ напр. 200 мѣръ. Въ позднѣйшую эпоху, при помощи лопатъ, фермеръ въ 27 мѣсяцевъ сдѣлаетъ то, что отцы ихъ выполняли въ 3 года, т. е. добудетъ 200 мѣръ. Такимъ образомъ трудъ, вспомоществуемый орудіями, будетъ улучшаться въ качествѣ, фермы возникнутъ съ большею быстротой, трудъ и капиталъ сдѣлаются болѣе производительными, общая сумма доходовъ возрастетъ, труду достанется большая доля вознагражденія, и рента, какъ часть общаго итога, понизится, хотя количество будетъ болѣе. По мѣрѣ распространенія обработки на болѣе отдаленныя мѣста сбыта, накопленные капиталы и другія улучшенія позволятъ получать и съ удаленныхъ фермъ болѣе.

Представимъ теперь, что земли будутъ различныхъ качествъ и на различныхъ разстояніяхъ. Когда обработка распространится на всѣ земли высшаго плодородія въ ближайшей окружности, тогда на лучшихъ земляхъ окружности болѣе отдаленной можно будетъ тѣмъ-же трудомъ, при лучшихъ орудіяхъ, добыть большее количество произведеній, но надо будетъ вычесть издержки провоза. Поэтому можетъ быть все равно, обрабатывать ли худшія земли въ ближайшей мѣстности, или лучшія въ отдаленной. Если первыя могутъ дать лучшую выручку, то обработка худшей земли будетъ выгоднѣе. Близость рынка замѣнитъ для худшихъ земель различіе почвы: то, что сдѣлаетъ улучшеніе дорогъ для вторыхъ,

орудія сдѣлаютъ для первыхъ. Вслѣдствіе этой теоріи положеніе земледѣлія улучшится, легкость пріобрѣтенія поземельныхъ участковъ и другихъ видовъ капитала увеличится, и рента сдѣлается менѣе.

Все это — превосходно, но — что же оно выражаетъ, какъ не то, что говорилъ Рикардо? Если читатель потрудится сравнить приведенный нами взглядъ англійскаго экономиста на вліяніе успѣховъ земледѣлія на ренту, то онъ неминуемо долженъ будетъ убѣдиться, что Рикардо признавалъ тоже самое, но только не въ столь исключительной формѣ, какъ то дѣлаетъ Керэ. Рикардо думалъ и справедливо доказывалъ, что стремленіе къ улучшениямъ неперемѣнно обнаруживается, но — во первыхъ, не всегда, и — во вторыхъ, не безусловно, что зависитъ отъ особаго свойства поземельной собственности медленнаго воспріятія ею улучшеній; эти же послѣднія въ свою очередь обусловливаются развитіемъ общества, которое часто — и очень часто затрудняется несовершенствомъ природы человѣка и разными препятствіями, полагаемыми учрежденіями свободному развитію человѣческой дѣятельности и свободы. Вся заслуга Керэ, и заслуга немаловажная, заключается въ слѣдующемъ обстоятельствѣ: извѣстно, что Рикардо, хотя положительно признавалъ необходимость улучшеній, но онъ недостаточно развилъ вопросъ о нихъ, потому что, по справедливому замѣчанію Рошера, сочиненіе его не представляетъ полнаго систематическаго трактата, а есть только сборъ вѣрныхъ и чрезвычайно остроумныхъ наблюденій надъ явленіями, совершающимися въ поземельной собственности. Этотъ недостатокъ Рикардо, условливающийся самой формой изложенія, восполненъ нынѣ Керэемъ, который представилъ мастерскую картину развитія общества, но этимъ онъ повторилъ тоже самое, что высказывалъ знаменитый англійскій экономистъ. Особенно интересно обратить вниманіе на вторую практическую часть его развитія.

Керэ подтверждаетъ теоретическую часть своего изслѣдованія рядомъ историческихъ и статистическихъ свѣденій, въ которомъ онъ говоритъ о вліяніи распространенія обработки земли на: а) заработную плату, б)

на доходы съ капитала или проценты, в) стоимость по-земельнаго капитала и г) на колебаніе цѣнъ.

I. Состояніе поселенцевъ въ новыхъ странахъ, обилующихъ лучшими землями, гораздо хуже положенія народа въ странахъ старыхъ. Пользуясь данными Идена, онъ изображаетъ золотой вѣкъ стараго времени Англии. Колонисты въ новомъ Уэльсѣ, по Лебединой рѣкѣ, уступали въ 1836 году г. земли по 1 шил. за акръ (по 81 к. с. за десятину), доказывая тѣмъ, какъ ничтожна ихъ цѣнность, не смотря на затраченные капиталы; подобное же явленіе представляетъ мысъ Доброй Надежды; такую же участь испытала средняя Америка. По свидѣтельству «Martin's Colonial Library VIII, p. 198» заработная плата въ новомъ южномъ Уэльсѣ отъ 10—12 ф. с. въ годъ пахарю, отъ 4—5 ф. с. косарю. Сравнивъ эти цѣны съ англійскими, найдемъ ихъ меньшими.

Вознагражденіе труда въ новыхъ земляхъ возрастаетъ, а не уменьшается.

Въ Филадельфій можно было купить тонну = 60 пудамъ муки:

Въ 1699	за 137	рабочихъ	дней		
1790	—	125	—	—	—
1834	—	78	—	—	—

Въ исторіи среднихъ и рабочихъ классовъ Бартона и Уэда находимъ таблицу, въ которой задѣльная плата выражена количествомъ пинтъ пшеницы ($\frac{1}{10}$ ведра).

	Земледѣльцы		зад. недѣл.		
	плата	пинтъ	плотниковъ		
1495.	—	129	пинтъ	292	п.
1593.	—	82	—	123	—
1610.	—	46	—	61	—
1651.	—	48	—	55	—
1661.	—	61	—	—	—
1770.	—	79	—	169	—
1803.	—	63	—		
1819.	—	73	—	150	—
1824.	—	89	—	119	
1829.	—	91	—	295	
1832.	—	90	—	265	

Разсматривая послѣднія 50 лѣтъ, цифры подтверждаютъ

ученіе Керэ, но самое поразительное доказательство бывшей нищеты представляет картина экономического состоянія страны. (Иденъ. The state of the poor).

Въ концѣ 13-го вѣка рыба продавалась въ Англіи за 13 шиллинговъ и 4 пенса. Рыба, кусокъ хлѣба и немного пива—составляли пищу жнеца. Домашняя утварь въ довольно развитомъ городѣ Кольчестерѣ рѣдко стоила дороже 20 шиллинговъ. Сапожная лавка имѣла на 7 шил. товара, а одна мясная на 1 ф. 18 шиллинговъ. Постановленія о рабочей платѣ показываютъ, какъ велико было угнѣтеніе народа. По таксѣ Едуарда назначено было одинъ пени въ день жнецамъ и косарямъ. Въ 1444 г. населеніе Англіи было 2,350,000. Земли было много, а между тѣмъ жители находились въ крайней нищетѣ. Народъ, даже при Елисаветѣ, предпочиталъ ржаной хлѣбъ на томъ основаніи, что онъ долѣе оставался въ желудкѣ. По Мек'-Коллоху, одежда была также дурна, и жилище тоже. По всѣмъ этимъ причинамъ, Керэ возстаетъ противъ насильственной колонизаціи и называетъ ее оптовымъ убійствомъ. Не лучшели,—говоритъ онъ,—доставить народу средства существованія дома. Въ Соединенныхъ штатахъ переселеніе велико, но тамъ оно не имѣетъ насильственнаго характера.

II. При постепенныхъ успѣхахъ обработки доля землевладѣльца уменьшается, между тѣмъ какъ доля заработковъ увеличивается, но обѣ стороны получаютъ больше и больше произведеній.

Сравнивая состояніе земледѣльцевъ въ царствованіе Едуарда съ настоящимъ положеніемъ работника, увидимъ, что тогда самый тяжкій трудъ не давалъ достаточнаго количества пищи, между тѣмъ, какъ теперь, при умѣренныхъ усиліяхъ, работникъ имѣетъ лучшую пищу. Законъ, которымъ опредѣляется величина прибыли для фермера, сохраняетъ свою силу для купца, мануфактуриста и другихъ производителей.

Высокая прибыль получается въ новыхъ странахъ и она не составляетъ ничего привлекательнаго въ сущности. Банковыя акціи даютъ въ Соединенныхъ Штатахъ $5\frac{1}{2}\%$, въ Лондонѣ 4% , въ Австріи 10% , но эти выгоды недѣйствительны, при дороговизнѣ всего. Купецъ,

получая въ деревнѣ 35⁰/₀, остается бѣднякомъ, маклеръ въ Лондонѣ беретъ 1/2⁰/₀ и дѣлается богачемъ.

Вмѣстѣ съ этимъ развитіемъ переходъ въ другія страны уменьшается. Капиталь, затраченный въ мануфактуры, подлежитъ тѣмъ-же законамъ. Такими же результатами сопровождается появленіе желѣзныхъ дорогъ вмѣсто шоссе, жерновыхъ мельницъ вмѣсто ручныхъ. За провозъ по желѣзнымъ дорогамъ взимается меньшая дола произведеній, чѣмъ по шоссе.

Вообще, чѣмъ совершеннѣе механизмъ, тѣмъ значительнѣе капиталъ.

По мнѣнію Керэ, пониженіе и возвышеніе прибыли можетъ происходить независимо отъ естественныхъ законовъ. Оно можетъ имѣть причинами препятствія и ограниченія затратъ капиталовъ, которыя произведутъ пониженіе процентовъ и не увеличатъ задѣльную плату.

III. Керэ находитъ блистательное подтвержденіе своей теоріи въ стоимости имѣній въ странахъ новыхъ и старыхъ.

Въ Англіи стоимость недвижимыхъ имуществъ равна 8,000 милліоновъ, а доходъ 1,350 милліоновъ, слѣд. цѣна того, что произведено въ теченіи столѣтій, стоитъ менѣе шестилѣтняго дохода. Въ штатѣ Огеіо недвижимая собственность оцѣнена въ 172 м., что равняется 172 м. мил. рабочимъ днямъ, полагая населеніе въ 300 т., мы увидимъ, что стоимость имуществъ равна двухлѣтнему труду. Все недвижимое имущество Соединенныхъ штатовъ 1834 г. можно оцѣнить въ 3,600 мил., доходъ въ 1,500, такъ, что онъ = $\frac{3}{8}$ цѣнности, а послѣднее не превышаетъ 2 1/2 годоваго труда. Разсмотримъ цѣнность городскихъ имуществъ. Доходъ, приносимый Лондономъ = 7,000 ф. с., полагая въ 1/2 мил. рабочее населеніе его, а плату за трудъ въ 60 ф. с.—на человѣка въ годъ, мы-бы нашли, что цѣнность всей собственности равна пятилѣтнему труду, но можно-ли на такой трудъ выстроить Лондонъ.

Слѣдовательно, собственность, заключающаяся въ земляхъ, домахъ, подлежитъ тѣмъ же законамъ, какъ и накопленные капиталы въ формѣ товаровъ, кораблей и проч. По мѣрѣ того, какъ населеніе возрастаетъ, капиталъ становится болѣе обильнымъ и обработка распростра-

няется, собственность можетъ располагать меньшимъ количествомъ труда и требовать меньшей доли произведеній за право пользованія имъ.

Существованіе рабства въ первыя эпохи находится въ прямомъ противорѣчій съ мыслию о собственности земли. Рабство существуетъ тамъ, гдѣ населеніе мало, а земли изобильно, и гдѣ обрабатывается только самая плодородная часть. Это—средство для полученія ренты. Когда капиталъ возрастаетъ, и когда земля получаетъ цѣнность отъ сдѣланныхъ на ней затратъ, тогда необходимость обращать людей въ рабство прекращается, потому что они согласятся платить добровольно большую ренту противъ той, которая получалась отъ нихъ при бытности ихъ въ состояніи рабства. Слѣдовательно нельзя не согласиться, что цѣнность земли происходитъ отъ труда.

IV. Цѣнность земли иногда поднимается, иногда падаетъ ниже дѣйствительной стоимости; настоящее возрастаніе земли не соотвѣтствуетъ труду, издержанному на нее.

Возрастаніе цѣнности «мѣстное» можетъ имѣть значительные размѣры и длиться долгое время, но внезапное всегда сопровождается пониженіемъ цѣнности въ другихъ мѣстахъ. Возрастаніе цѣнности въ Миссисипи было велико, но оно совпало съ пониженіемъ въ Каролинѣ. Повышеніе цѣнности въ Нью-Йоркѣ Керэ считается невозможнымъ, какъ показано въ оцѣнкѣ. Оно должно было скоро испытать паденіе, и—это дѣйствительно и случилось.

Денежная цѣна всѣхъ товаровъ клонится къ пониженію, потому что увеличивается производство быстрѣе, чѣмъ добываніе золота и серебра. Всеобщее возрастаніе цѣнъ есть слѣдствіе оцѣнки не монетою, а ея представителями.

Цѣна труда, выраженная монетою, склонялась бы къ пониженію вмѣстѣ съ возрастающею трудностію пріобрѣтенія драгоцѣнныхъ металовъ, еслибы кредитные знаки не замѣняли ее.

Такими-то статистическими данными подтвердилъ и доказалъ американскій экономистъ свое ученіе. Нельзя, конечно, не согласиться, что подобные положительные

факты принесли много пользы разъясненію вопроса о рентѣ. Эти изслѣдованія поставили вопросъ о ней внѣ всякаго сомнѣнія, и потому весьма странно въ настоящее время встрѣтить было новое ученіе, которое не только сомнѣвалось и отвергало ученіе о рентѣ, представленное Рикардо, и развитое его послѣдователями, но усомнилось даже въ существованіи самой собственности, источникѣ поземельнаго дохода. Мы разумѣемъ школы социалистовъ и коммунистовъ, возникшія въ послѣднее время въ западной Европѣ. (*) О нихъ-то мы теперь и скажемъ нѣсколько словъ.

Теорія поземельной ренты, представленная англійскими экономистами, дала опасное орудіе новѣйшимъ коммунистамъ и социалистамъ. Они сначала отвергали законность ренты, потомъ законность поземельной собственности и, наконецъ, потребность собственности вообще, провозгласивъ знаменитое положеніе: «*la propriété—c'est le vol.*» На наукѣ лежитъ обязанность разсвѣять подобныя заблужденія. Конечно, мы не можемъ въ настоящемъ случаѣ изслѣдовать подробно ученіе современныхъ философовъ; ограничимся только разсмотрѣніемъ его въ отношеніи къ нашему предмету—поземельной рентѣ.

Природа назначила человѣка жить въ обществѣ. Тамъ ему представляются всѣ средства развитія. Бастіа, въ знаменитыхъ «*Harmonies économiques, VI*» р. 23, краснорѣчиво описываетъ деревенскаго столяра, и сравниваетъ услуги, которыя онъ оказываетъ обществу, съ тѣми, которыя самъ получаетъ, — и доказываетъ, что человѣкъ, занимающій самое ничтожное положеніе въ обществѣ, потребляетъ въ теченіи одного дня болѣе, чѣмъ сколько онъ могъ бы произвести въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что независимо отъ другихъ обстоятельствъ, самыя выгоды заставляютъ человѣка стремиться къ общественной жизни. Въ этой жизни дѣйствуетъ между интересами людей полная гармонія. Общество постоянно развивается: прогрессъ его есть сумма стремленій къ полному развитію личныхъ

(*) Дубенскій. Журн. землед. № 18.

способностей и благосостоянія. Для этого развитія—необходимъ трудъ членовъ его.

Коммунисты понимаютъ значеніе благосостоянія; но средства, предлагаемая ими, не соотвѣтствуютъ цѣли; коммунисты сочувствуютъ бѣдствіямъ народа, но что же они придумали, чтобы помочь горю? Они предлагали расширить инициативу правительства,—власти, въ ущербъ свободѣ и собственному производству. Потому, вмѣсто того, чтобы придумывать искусственную организацію общества, надо, напротивъ, какъ можно менѣе стѣснять ее, основывая на свободѣ и разумѣ, чего коммунисты и социалисты не дѣлаютъ; и значить цѣль и стремленія ихъ, при всей своей благотворности, остаются тщетными и неплодотворными, тогда какъ свобода и собственный произволъ, которая въ частныхъ случаяхъ, хотя причиняютъ иногда невыгоды въ общемъ, какъ то доказываетъ вѣковой историческій опытъ, сопровождаются благодѣтельными слѣдствіями.

Такимъ образомъ коммунисты, принимая необходимость искусственной организаціи общества, не принимаютъ дѣйствительно-существующей, которая утверждена на строгихъ понятіяхъ о собственности и личности вообще—и поземельной собственности въ особенности. Отвергая эту послѣднюю, школы коммунистовъ естественно должны были придти къ отрицанію и всѣхъ свойствъ ея, т. е. способности давать ренту. —

Изъ всего нашего изложенія должно быть ясно, что собственность не причиняетъ вреда обществу, какъ утверждаютъ новѣйшіе социалисты и коммунисты,—что въ ней, какъ мы видѣли, заключаются тѣ удивительные законы гармоніи, которые открыты будто бы только социалистами; нѣкоторые недостатки ренты, зависящіе отъ несовершенства человѣческихъ учрежденій, съ развитіемъ просвѣщенія и свободы, уничтожаются, и согласіе водворяется снова. —

Но—довольно говорить объ этихъ утопіяхъ. Социалисты, конечно, заслуживаютъ долю признательности: они обратили вниманіе общественное на бѣдствія бѣдныхъ классовъ, происходящія отъ эгоизма и своекоры-

стія; но средства, предлагаемая ими, какъ мы видѣли, не отличились практичностью, и потому до сихъ поръ наука не придумала лучшаго положенія, какъ предоставленіе полной свободы общественному развитію.

Мы не будемъ болѣе распространяться о противникахъ Рикардо, посмотримъ лучше на тѣ современныя теоріи, которыя, признавая основное начало ренты, положенное въ ученіе англійской школы, изображаютъ теорію ренты въ болѣе современной и привлекательной формѣ.

Въ самое послѣднее время Академія нравственныхъ и политическихъ наукъ во Франціи предложила на конкурсъ 1855 г. задачу—изыскать и изложить: 1) причины, которыя даютъ возможность землѣ, сверхъ части, потребной на покрытіе издержекъ обработки, давать избытокъ, выражающійся въ поземельной рентѣ, и 2) причины, опредѣляющія большее или меньшее количество ренты (*).

Три отвѣта было представлено на предложенный вопросъ, но ниодинъ не удостоился награды, и потому академія отложила ту же задачу на 1857. На нее представлено было два сочиненія: одно—краткое, мало значительное, но не лишенное достоинствъ, другое, напротивъ, очень обширное, обнимающее предметъ во всѣхъ подробностяхъ и представляющее много существенныхъ достоинствъ.

Авторъ перваго сочиненія говоритъ: «Если природа создаетъ продукты, имѣющіе цѣнность независимо отъ труда человѣка, то необходимо признать, что эти продукты должны сдѣлаться общимъ достояніемъ. Если это такъ, то собственность несправедлива и рента тоже, между тѣмъ, какъ если принять противное, то увидимъ, что какъ собственность, такъ и рента вполне законны.» Что подобное возраженіе существуетъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но представляется вопросъ: основано ли оно на строгомъ началѣ?

(*) Passy, Journal des économ. Paris, 1858, № 1.

Еслибы авторъ съ большимъ вниманіемъ взглянулъ на вопросъ, то увидѣлъ-бы, что ошибка произошла отъ смѣшенія двухъ родовъ произведеній или силъ, представляемыхъ природой человѣку, но на совершенно различныхъ условіяхъ. Существуютъ силы, употребленіе которыхъ предоставляется человѣку даромъ; таковы напр. теплота, свѣтъ, солнце, дождь, роса, которыя обезпечиваютъ ростъ растеній. Кромѣ того, существуютъ другія силы, пользование которыми не можетъ быть даровымъ; это силы почвы: хлоръ, углекислота, которыхъ количество ограничено. Человѣкъ не можетъ преобразовать и обратить ихъ въ орудіе производства, извлечь изъ нихъ продуктъ, имѣющій цѣнность, иначе, какъ посредствомъ труда надъ ними. Кромѣ того, должно замѣтить, что силы, которыя создаетъ природа, не находятся въ одинаковомъ изобиліи повсюду. Это справедливо въ отношеніи ко всѣмъ силамъ. Такимъ образомъ, существуютъ страны, гдѣ дождевая вода, теплота, свѣтъ—представляютъ труду земледѣльца средства болѣе дѣйствительныя, чѣмъ въ другихъ странахъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, надо только вспомнить полуденныя страны, лежащія близъ тропиковъ. Что касается до тѣхъ силъ, которыми человѣкъ можетъ обладать и управлять, распределеніе ихъ еще разнообразнѣе. Чтоже изъ этого слѣдуетъ?—То, что земля не будетъ вездѣ одарена одинаковою способностью, не можетъ быть вездѣ одинаковаго могущества агентомъ производства. Есть мѣстности, гдѣ, благодаря качествамъ, которыхъ другія лишены, земля болѣе способна къ обработкѣ, и гдѣ, при томъ же трудѣ и капиталѣ, она производитъ болѣе продуктовъ, и слѣд. оставляетъ въ рукахъ того, кто ее обрабатываетъ, избытокъ, извлекаемый имъ свыше того, который необходимъ на покрытіе издержекъ труда.

Авторъ полагаетъ, что принять этотъ фактъ—значитъ отнять отъ права собственности главное и наиболѣе дѣйствительное ея основаніе. Болѣе серьезное разсмотрѣніе этого положенія автора приводитъ насъ къ убѣжденію, что онъ принялъ очень серьезно неправильное выраженіе «даровая цѣнность», которая представляетъ въ рентѣ дѣйствіе производительности земли. Дѣйстви-

тельно, земля не производитъ ничего, что не обязано цѣнностію труда. Что касается до самой земли, то человекъ иначе не можетъ подчинить ее своей волѣ, какъ силою заботъ и труда. Онъ долженъ отдать ей въ нѣкоторомъ смыслѣ часть самаго себя, пролить на нее свой потъ, употребить труды своихъ рукъ, способности разума. Хотя рента слѣд. находится въ зародышѣ въ натурѣ вещей, но все-таки для ея проявленія необходимо содѣйствіе человека. Рента есть побѣда труда. Успѣхи земледѣлія, увеличивая урожай, даютъ земледѣльцу избытокъ, свыше собственныхъ потребностей. Еслибы земля была агентъ производства такого свойства, что могла бы распространяться по желанію человечества, то цѣны постоянно бы понижались, но земля очень ограничена, и всегда являются такія минуты, когда возрастающее населеніе заставляетъ прибѣгать къ обработкѣ земель менѣе плодородныхъ. Это обстоятельство, препятствуя дальнѣйшему пониженію цѣнъ, обезпечиваетъ тѣмъ, которые обладаютъ землями, находящимися въ лучшихъ условіяхъ, выгоды, выражающіяся въ рентѣ. Такимъ образомъ возникла рента подъ вліяніемъ открытій разума и препятствій уменьшенію цѣнъ. Рента никогда не можетъ быть даромъ природы. Если она имѣетъ элементъ, который есть слѣдствіе содѣйствія природы—большаго въ однихъ мѣстахъ, сравнительно съ другими, то чтобы овладѣть этимъ преимуществомъ земли, надо купить его—дѣятельностію.

Объяснивъ эти стороны вопроса, посмотримъ, какъ авторъ доказываетъ положеніе, что въ поземельной рентѣ нѣтъ другихъ элементовъ, кромѣ вознагражденія за ссуду земли, капитала и труда. Онъ въ этомъ случаѣ прибѣгаетъ къ гипотезѣ—собранія людей на новой землѣ, для обезпеченія ихъ благосостоянія. По его мнѣнію, люди эти раздѣляютъ между собою, необходимые для удовлетворенія ихъ нуждъ, труды: одни дѣлаются земледѣльцами, другіе кузнецами, мельниками, рыболовами. И такъ какъ трудъ каждаго будетъ отвѣчать извѣстной дѣйствительной нуждѣ, то плоды его будутъ мѣняться на труды равноцѣнные.

Эта гипотеза имѣетъ недостатокъ всякой гипотезы.

Еслибы авторъ, вмѣсто собственнаго изобрѣтенія, посмотрѣлъ, что дѣйствительно происходитъ въ мірѣ, то онъ бы пріобрѣлъ данныя болѣе точныя, которыябы измѣнили совершенно его заключеніе. Страна, въ которой производство встрѣтилобы одинаковые элементы, одинаковыя условія успѣха—никогда не существовала: во всѣхъ странахъ трудъ совершается подъ разнообразными условіями. Авторъ спрашиваетъ: что произойдетъ въ его колоніи, когда новые пришлецы не найдутъ болѣе земель, которыя дадутъ 20, а встрѣтятъ только производящія 10? И отвѣчаетъ на это: если новые пришлецы ограничатся мѣною продуктовъ труда между старыми, то мѣна эта будетъ равна,—только члены старой земли будутъ богаче, нежели новые пришлецы, потому что съ одинаковымъ усиленіемъ они пріобрѣтутъ двойное удовлетвореніе; но тѣмъ не менѣе богатство будетъ распределено между ними справедливо, и количество ренты будетъ одно и то же. Онъ замѣчаетъ, что съ той минуты, когда менѣе плодородныя земли поступятъ въ обработку, цѣна продуктовъ возвысится такимъ образомъ, что покроетъ излишки расходовъ, употребляемыхъ на воздѣлываніе земель низкаго качества, къ которымъ увеличеніе населенія заставитъ прибѣгать, и полагаетъ между рентами химерическое различіе. Для земель, обрабатываемыхъ съ меньшими издержками, образуется излишекъ оттого, что возвышеніе цѣнъ позволяетъ собственникамъ продавать продукты выше ихъ стоимости. При этомъ авторъ замѣчаетъ, что какая бы ни была рента, отношенія ея къ покупной цѣнѣ остаются неизмѣнны. Покупщики ищутъ дохода, они хотятъ за высшей доходъ высшую плату; но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы въ цифрѣ различныхъ доходовъ были только элементы вознагражденія капитала и труда. Изъ двухъ странъ въ каждой можно дѣлать помѣщенія одинаково выгодныя, но изъ этого не слѣдуетъ, что одна и та же сумма труда дастъ одинаковое количество произведеній. Противниками этой теоріи вполне доказано, что гектаръ въ одной странѣ столькоже даетъ, сколько 15 или двадцать гектаровъ въ другой. Землевладѣлецъ въ сѣверной Америкѣ за разработку земли платитъ различно. Во всѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ различія въ мѣстныхъ ус-

ловіяхъ, родъ растеній опредѣляетъ преимущество того или другаго участка.

Вторая статья, представленная въ отвѣтъ на вопросъ, какъ мы замѣтили выше, отличается многими достоинствами. Она состоитъ изъ 4-хъ книгъ. Первая книга имѣетъ особую важность. Тамъ разсматривается начало ренты. Послѣ анализа элементовъ цѣнности, авторъ доказываетъ, что ни издержки производства, ни предложеніе и требованіе недостаточны для опредѣленія цѣны: въ это опредѣленіе долженъ войти третій элементъ — поземельная рента. Этотъ элементъ обязанъ происхожденіемъ своимъ тому подарку, который природа даетъ извѣстному сырому матеріалу или агенту производства, вслѣдствіе чего владѣлецъ можетъ продавать произведенія по цѣнѣ, высшей той, которой ему стоитъ предметъ. Есть земли, лѣса, рудники, которые продаются дороже того, что стоятъ. Фактъ этотъ неоспоримъ. Причины его очевидны: матерія, изъ которой созданъ предметъ и орудія его производства, требуютъ — одни большихъ расходовъ, другіе — меньшихъ, и тѣ, которыхъ расходы значительнѣе, опредѣляютъ цѣну, по которой продаются какъ тѣ, такъ и другія произведенія, и не только земледѣльческія, но и мануфактурныя. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вода напр. находится въ лучшихъ условіяхъ для мануфактуры, чѣмъ въ другихъ, и топливо обильнѣе, сѣстные припасы дешевле, — все это составляетъ выгоду для лицъ, которыя пользуются ими. Они позволяютъ первому роду заведеній осуществить ренту, которой не получаетъ второй родъ. Наконецъ, и самихъ людей природа надѣляетъ различными дарами. Нѣтъ такого занятія, которое бы сопровождалось одинаковыми успѣхами. Подлѣ писателя, артиста, адвоката, медика, извлекающихъ значительный доходъ изъ своихъ занятій, находится много такихъ, которые едва избѣгаютъ нищеты. Такой фактъ проявляется во всѣхъ родахъ человѣческаго труда: поденщики, которые сильны, здоровы, приобрѣтаютъ болѣе тѣхъ, которые лишены этихъ свойствъ. Во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности различіе способностей обусловливаетъ различіе результатовъ труда, и слѣдов. можно предполагать, что природа имѣетъ своихъ избранниковъ, которые, вслѣд-

ствіе даровъ ея, могутъ обладать избыткомъ аналогическимъ съ поземельною рентою. Такая мысль, если она и непервые высказана, то по крайней мѣрѣ впервые (?) обобщена. (*) До сихъ поръ идея ренты, какъ принадлежащая исключительно землѣ, преобладала въ наукѣ. Авторъ сочиненія доказалъ, что рента, напротивъ, существуетъ во всякой дѣятельности человѣка и имѣетъ своимъ источникомъ даръ природы. Такія лица, обладая этимъ даромъ, по мнѣнію автора, пользуются монополіею. Хотя это слово нѣсколько сомнительнаго достоинства, но оно утверждено обычаемъ. Пасси увѣряетъ, что Ад. Смиеъ впервые назвалъ ренту монополіею цѣны (*monopoles prices*) и тѣмъ многихъ экономистовъ ввелъ въ заблужденіе. Тотъ же авторъ предлагаетъ замѣнить слово монополію «естественное выраженіе преимущества» (*avantage naturel*).

Послѣ этихъ общихъ разсужденій, авторъ дѣлаетъ спеціальное изслѣдованіе поземельной ренты. Отдѣляя элементъ ренты, обязанный происхожденіемъ своимъ сбереженію труда, онъ разсматриваетъ различныя обстоятельства дѣятельности на величину ренты. Начиная съ вліянія климата и различія качествъ почвъ и оканчивая налогомъ и монетою, нѣтъ ни одного важнаго обстоятельства, о которомъ бы не было упомянуто. Труднѣе было опредѣлить вліяніе перемѣны хозяйственнаго положенія на измѣненіе ренты. Если родъ человѣческой возрастаетъ въ числѣ, богатствѣ и цивилизаціи, то это происходитъ по мѣрѣ подчиненія имъ своему вліянію матеріальнаго міра. Напрасно онъ будетъ требовать отъ земель низкаго достоинства, — болѣе продуктовъ, чѣмъ сколько они могутъ произвести. Открытія и изобрѣтенія одни могутъ увеличить производство и воспрепятствовать чрезмѣрному увеличенію цѣнъ.

Въ 3-й книгѣ изслѣдуются многіе вопросы, касающіеся до существованія ренты.

Въ одной главѣ онъ силится доказать, что наиболѣе изыскиваются такія земли, гдѣ менѣе долженъ участвовать трудъ, для доставленія большаго продукта, въ другой — что рента всегда существуетъ. Въ доказательство перваго положенія онъ приводитъ первоначальныя

(*) Ср. Вернадскаго: Проспектъ Полит. Экон. Спб. 1858, § 72, стр. 36.
Ред.

войны, бывшія при младенческомъ состояніи общества. Люди не велибы такихъ ожесточенныхъ войнъ, еслибы не стремились пріобрѣсти собственность, менѣе требующую усилій и труда для обработки. Въ дикомъ состояніи человѣкъ направлялъ всѣ усилія на пріобрѣтеніе обильныхъ почвъ, въ состояніи пастушескомъ—луговъ, въ состояніи земледѣльческомъ—плодородныхъ участковъ.

По мнѣнію автора, рента явилась при самомъ началѣ человѣчества. Многіе утверждаютъ, что трудъ и капиталъ входятъ въ счетъ при производствѣ—преимущественно въ настоящее время. Это замѣчаніе основывается на преувеличиваніи вліянія природы. Конечно, люди, при появленіи на свѣтъ, встрѣчаютъ преимущества поземельной собственности и изъ этого явилась рента. Въ доказательство такого положенія, можно упомянуть о той борьбѣ, которая возникла между племенами за участки земли, представлявшіе возможность легче и скорѣе отстранить вліяніе голода и убійствъ.—

Рента поземельная, какъ доказываетъ авторъ, не есть исключительный фактъ. Онъ выставилъ при этомъ то вѣрное положеніе, что есть такія преимущества, которыя зависятъ болѣе отъ собственной воли владѣльца, чѣмъ отъ самой земли. Причины, по которымъ земля доставляетъ ренту, изложены также превосходно. Земля, говоритъ авторъ, имѣетъ свойство продолжительнаго существованія, она вѣчна. Капиталь, иммобилизируемый подъ всякой другой формой, уничтожается съ теченіемъ времени: земля—не погибаетъ и не исчезаетъ, но улучшается подъ вліяніемъ обработки. Съ другой стороны—увеличеніе населенія, богатства, промышленности служитъ съ своей стороны увеличеніемъ этого развитія.

Содѣйствовалоли,—спрашиваетъ авторъ,—существованіе монополіи увеличенію благосостоянія?—Прежде, чѣмъ рѣшить этотъ вопросъ, авторъ говоритъ о тѣхъ нападкахъ, которымъ подвергалась поземельная собственность. Это произошло, по мнѣнію его, отъ невозможности выситися до сознанія важныхъ истинъ. Самая видимая форма собственности — земля, и вотъ почему она болѣе всѣхъ другихъ предметовъ подверглась нападкамъ. Пасси прибавляетъ, что есть и другія причины этого, именно споліація и насиліе. Начало, принятое на Восто-

кѣ, по которому земля принадлежитъ царствующему государю, было господствующимъ во многихъ европейскихъ государствахъ. Напрасно Боденъ доказывалъ, что есть вещи выше закона. Конфискація была признана въ законахъ, собственность не осталась неприкосновенною. Вотъ что особенно ослабило уваженіе къ собственности. Прошедшее есть главный виновникъ этого.

Авторъ далѣе указываетъ, что совершенство есть удѣлъ человѣка, но оно не можетъ осуществиться безъ богатства, которое появляется вслѣдствіе существованія средствъ и агентовъ производства, способствующихъ его возрастанію. Люди, которые обладали лучшими частями земли, облегчали тѣмъ труды свои и могли легче возвыситься надъ толпою.

Такимъ образомъ въ обществѣ образовались и возникли тѣ избранники, которымъ мы обязаны своимъ совершенствомъ. Обладатели производительныхъ земель стали сильными и богатыми. въ нихъ сосредоточились всѣ элементы политическаго и гражданскаго величія, и народъ сталъ въ ихъ зависимость. Мы не можемъ при этомъ не упомянуть объ истинно прекрасномъ замѣчаніи, которое присоединилъ къ этому положенію Пасси. Онъ говоритъ, что авторъ справедливъ въ своемъ положеніи, но что онъ преувеличиваетъ вліяніе природы. Какъ бы міръ ни былъ устроенъ, человѣчество останется всегда однимъ и тѣмъ же: оно обязано своимъ превосходствомъ только развитію разума, способности изобрѣтенія, чувству предусмотрительности и физической силѣ; въ этихъ-то личныхъ превосходствахъ и заключаются причины успѣховъ человѣчества.

Послѣдняя часть сочиненія—историческая и критическая. Авторъ рассказываетъ исторію развитія идеи поземельной ренты. Ученію Рикардо и Бастіа онъ посвятилъ наибольшую часть послѣдней книги. Онъ признавалъ главныя основанія системы Рикардо, доказывая преувеличенія ея слѣдствій, но—какъ замѣчаетъ Пасси—автору не доставало серьезнѣе взглянуть на порядокъ обработки земли, представленный англійскимъ экономистомъ. Замѣчанія на теорію Бастіа—справедливы. Онъ доказалъ положительно истины, высказанныя теоретически.

Въ заключеніе должно сказать, что сочиненіе это представляетъ вполнѣ новый взглядъ на теорію ренты.—

Наконецъ, мы должны упомянуть еще объ одномъ изслѣдователѣ теоріи Рикардо—о русскомъ профессорѣ Горловѣ. Въ запискѣ, читанной въ собраніи Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества и потомъ напечатанной въ Трудахъ Общества, авторъ обратилъ вниманіе на вопросъ о способахъ уплаты ренты: работой, деньгами и хлѣбомъ. Этотъ вопросъ пріобрѣтаетъ особую важность потому, что Горловъ посмотрѣлъ на него въ отношеніи къ современному положенію нашего отечества. (*) Въ настоящей системѣ сельской экономіи говоритъ профессоръ, —крестьянинъ, получающій, для своего прокормленія землю, вознаграждаетъ владѣльца работою или оброкомъ, который не есть однако результатъ свободнаго договора, но проистекаетъ отъ постановленій закона. При уничтоженіи условій, связывающихъ крестьянъ съ помѣщиками, онъ будетъ опредѣленъ взаимно свободнымъ договоромъ, и будетъ состоять или въ положенномъ числѣ рабочихъ дней, или въ опредѣленной денежной или хлѣбной рентѣ.

I. Рабочая рента будетъ отличаться отъ барщины только своимъ происхожденіемъ, но въ сущности—она останется барщиной. Работа барщинника въ Россіи никакъ не можетъ быть поставлена въ параллель съ вольнымъ трудомъ. Въ Англіи рабочая повинность фермера почти вовсе исчезла и общее мнѣніе о ней невыгодно; въ Германіи господскія службы (Heggenfrohn) были распространены до послѣднихъ измѣненій въ организаціи сельскаго труда. Тамъ мнѣніе также склоняется къ отмѣнѣ ихъ. Сдѣлаемъ поэтому небольшой расчетъ въ отношеніи къ Россіи. Положимъ, что обязательный трудъ на $\frac{1}{10}$ ниже вольнаго, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ ниже на $\frac{1}{4}$ и даже $\frac{1}{3}$. Если у насъ 11 мил. крестьянъ мужскаго пола, то можно безъ преувеличенія полагать 4 мил. тяголъ. Возьмемъ это число и посмотримъ, какъ велика будетъ сумма рабочихъ дней. Пусть на счетъ земли падаетъ 2 дня, это дастъ 104, но мы примемъ 90. Эти 90 дней будетъ отбывать мужской житель и столько же

(*) Труды Вольнаго Экон. Общ. № 3, 1860.

женщина, всего 180 дней; 4 мил. тяголь будутъ нести повинность 720 мил. дней. Если принять одну десятую разницы сравнительно съ вольнымъ трудомъ, то потрага будетъ 72 мил.; отмѣнить крѣпостное состояніе значитъ выиграть 72 мил. — выигрышъ значительный, особенно въ Россіи, гдѣ мало рабочей силы.

II. Денежная рента имѣетъ то преимущество, что не представляетъ единицы различнаго достоинства. Не смотря на то, и деньги имѣютъ неудобство. Иная сумма 10 лѣтъ тому назадъ имѣла совершенно другое значеніе, чѣмъ теперь. Товары, квартиры, мясо, дрова—все теперь подорожало. Въ другихъ государствахъ, по мнѣнію М. Шевалье, деньгамъ предстоитъ переворотъ. До 1848 г. во всемъ мірѣ производилось въ годъ не болѣе 2 т. пудовъ драгоцѣнныхъ металовъ, теперь свыше 16 т. пудовъ. Изъ своихъ исчисленій авторъ указываетъ, что если въ арендномъ договорѣ назначена была сумма 1000 р., то сумма эта, при увеличеніи кредитныхъ знаковъ, потеряла $\frac{1}{2}$, слѣд. денежная рента не представляетъ обезпеченія.

III. Натуральная рента имѣетъ преимущество предъ рабочею и денежною потому, что представляетъ опредѣленную величину въ теченіи продолжительнаго періода времени; 100 четвертей не только удерживаютъ значеніе на другой годъ, но и 10 лѣтъ. Цѣна хлѣба представляетъ среднія величины постоянныя. Для Франціи оказывается, что гектолитръ пшеницы продавался со времени французской революціи до 1850 г. по 10-лѣтней сложности по 16 фр.—наименьшая и по 24—наибольшая цѣна, разница $8\frac{1}{2}$. По 20-лѣтней сложности minimum 18, maximum $21\frac{1}{2}$, разница $3\frac{1}{2}$. По 30-лѣтней сложности minimum 19, maximum $20\frac{1}{4}$, разница $1\frac{1}{4}$.

Итакъ рента, назначаемая хлѣбомъ, или получаемая посредствомъ среднихъ цѣнъ деньгами, не подвергается владѣльцевъ потерямъ. Она, кромѣ того, доставляетъ большее обезпеченіе и платящимъ лицамъ, ибо при возможности упадка цѣнъ, они будутъ платить менѣе, и—это вполне справедливо.

Въ Англіи при Елисаветѣ было постановлено—часть ренты платить хлѣбомъ или деньгами по рыночной цѣнѣ, въ Пруссіи въ 1811 г. предоставлено было назначать ренту хлѣбомъ или деньгами. Рента черезъ 12 лѣтъ была со-

ображаема съ цѣнами. Такимъ образомъ положеніе хозяина было постоянно поддерживаемо въ гармоніи. Оно тогда только войдетъ въ жизнь, когда осуществится справедливая обоюдная польза и общее благо, ибо на дѣлѣ только то полезно и выгодно, что справедливо.

Плата работой, по мнѣнію Мек-Коллоха, много имѣетъ противъ себя. Еще важнѣе свѣденія Рау. Обязанности отбывать повинности мѣшаютъ крестьянину поддерживать его хозяйство въ удобное время. Онъ—не радивъ, потому что для него нѣтъ выгодъ.

Тукъ и Ньюмарчъ представили подробныя свѣденія о цѣнахъ на хлѣбъ во Франціи въ сочиненіи: *A history of prices und of the state of circulation. 1857. VI, 437 и 599.* Разсматривая ихъ, мы видимъ, что въ

1781	они были	13	фр.	47	сент.
1811	»	26	»	13	»
1801	»	22	»	40	»
1821	»	17	»	79	»
1830	»	22	»	39	»
1840	»	21	»	84	»
1850	»	14	»	30	»

Средняя 19.04 19.74 сент.

Скажемъ о нѣкоторыхъ неудобствахъ и хлѣбной ренты. Они состоятъ въ неравенствѣ жатвы. Если съемщикъ долженъ вносить по 10 четвертей, то при высшемъ урожаѣ это будетъ для него легко. Тоже можно сказать и о денежной рентѣ, если она будетъ рассчитываема по рыночной цѣнѣ на хлѣбъ. Не можетъ примирить интересы владѣльца—исчисленіе количества хлѣба по средней цѣнѣ. Чтобы избѣжать этихъ неудобствъ, можно употреблять оба способа: и по рыночной, и по средней цѣнѣ опредѣлять ренту; можно брать $\frac{1}{2}$ ренты по рыночной и $\frac{1}{2}$ по средней.

Мек-Коллохъ замѣчаетъ касательно денежной ренты, что если арендный контрактъ заключенъ на не много лѣтъ, то такая рента лучшая, но если контрактъ заключенъ на 19 и 21 годъ, то безопасность назначить ренту опредѣляется оброкомъ. Есть еще простое средство, состоящее въ наибольшей и наименьшей цѣнѣ хлѣба; эта система была введена вездѣ и оказалась дѣйствительною

для охраненія законныхъ правъ обѣихъ сторонъ и для обезпеченія успѣховъ земледѣлія.

Блекстонъ говоритъ объ этомъ въ *Commentaries of the Const of England*, V, 11 p. 317. Въ Пруссіи также неоднократно вводима была хлѣбная рента.

Мы должны, наконецъ, привести самое новѣйшее мнѣніе о теоріи поземельной ренты, высказанное въ настоящемъ году французскимъ экономистомъ Фонтенé.

«Я началъ, — говоритъ Фонтенé, — новое изслѣдованіе о рентѣ съ анализа системы, которая въ 1858 г. была удостоена академіею нравственныхъ и политическихъ наукъ преміи.»

Мы незнакомы вполне съ этимъ трудомъ, и можемъ почерпнуть о немъ свѣденія только изъ рапорта Пасси. Система эта состоитъ изъ: 1) разсмотрѣнія ренты, какъ всеобщаго факта, который проявляется не только относительно поземельной собственности, но и во всѣхъ отрасляхъ промышленности, и который можно замѣтить даже въ личныхъ услугахъ и во всѣхъ промышленныхъ доходахъ, — вездѣ, гдѣ вознагражденіе выше труда; 2) въ присвоеніи этому элементу свойства, независимаго отъ цѣнности и труда, произведшаго его, и отъ спроса потребителей, но который обязанъ своимъ происхожденіемъ природѣ и неравенству благъ, которыя она распределяетъ между людьми и вещами.

Если мы оставимъ въ сторонѣ на время идею о вмѣшательствѣ природы, — система эта отличается общностию и широтою. Тутъ нѣтъ ренты Рикардо, этой особенности поземельной собственности. Авторъ записки отвергаетъ и теорію Бастіа, — ученіе объ уменьшеніи средствъ существованія и радикальнаго антагонизма между интересами поземельнаго собственника и работника. Онъ полагаетъ, какъ и мы, общность законовъ, управляющихъ производствомъ и доходами всѣхъ родовъ, доказываетъ, что вездѣ въ эксплуатаціи капиталовъ, также точно какъ и личныхъ услугъ, существуютъ выгоды, высшія, чѣмъ вознагражденіе ихъ, и проявляется избытокъ, но признаетъ, что поземельный доходъ не представляетъ анализу экономиста иного, исключительнаго феномена, который можетъ служить основаніемъ отдѣльной теоріи. Это было мнѣніе и Бастіа. Принявъ

идеи Бастіа, Институтъ не рѣшился соединить съ ними его имя, продолжая считать его систему согласною съ системою Рикардо. Какимъ образомъ можно объяснить исключеніе имени, которое должно занимать почетное мѣсто? Въ этомъ, я думаю, заключается недоразумѣніе: экономисты не поняли его системы.

Я открываю рапортъ 1858 и читаю, что система эта состоитъ въ томъ, что рента есть ничто иное, какъ вознагражденіе за ссуду, сдѣланную землѣ или въ прошедшемъ времени, или въ настоящемъ, подъ различными формами, требуемыми экономіею. Далѣе рента названа простымъ вознагражденіемъ ссуды, сдѣланныхъ почвъ подъ формою капитала и труда. Или мы не понимаемъ смысла словъ, или это значитъ, что Бастіа приписываетъ ренту исключительно труду и производству. Я объявляю, что система Бастіа не состоитъ въ этомъ. Напротивъ, онъ признаетъ въ рентѣ два различные элемента: первый—составляетъ дѣйствія производителя, трудъ и капиталъ; во второмъ элементѣ, отличномъ отъ перваго, онъ видитъ независимый отъ производителя, дѣйствующій однако въ производствѣ и могущій произвести избытокъ вознагражденія. Вотъ истинная система Бастіа. Въ главѣ «Поземельная собственность» говорится: «Цѣнность почвы, или капитала, вложеннаго въ землю, не состоитъ изъ одного элемента: ихъ—два. Они не зависятъ только отъ труда, но и отъ могущества, которое заключается въ обществѣ—въ вознагражденіи труда, спросѣ и предложеніи». Кромѣ того—дороги совершенствуются, безопасность обезпечивается, рынки распространяются, населеніе возрастаетъ въ числѣ и богатствѣ, новая дорога открывається обработкѣ, разуму, и—изъ этого измѣненія среды, изъ этого благосостоянія слѣдуетъ для труда, дѣйствующаго въ настоящее время, сравнительно съ предшествовавшимъ—избытокъ цѣнности. Въ этомъ нѣтъ ни несправедливости, ни исключенія въ пользу поземельной собственности. Нѣтъ никакого рода труда, который бы не представлялъ подобнаго явленія. Нѣтъ ни одного, который бы не увеличивался съ улучшеніемъ среды, въ которой онъ дѣйствуетъ. Адвоката, профессора, медика, по мѣрѣ того какъ нація, къ которой они принадлежатъ, возрастаетъ въ благосостояніи и потреб

ности въ ней развиваются—труды лучше вознаграждаются. Въ этомъ случаѣ спросъ не только содѣйствуетъ цѣнности, онъ—чисто создаетъ ее.

Нельзя не видѣть во всемъ этомъ истиннаго и точнаго ученія. Бастіа признаетъ въ цѣнности всякаго продукта и услуги два элемента: 1) трудъ, капиталъ, разумъ; 2) Совокупность трудовъ другихъ лицъ, всѣ измѣненія вкуса и могущество общественнаго потребленія. Бастіа признаетъ элементъ индивидуальный, вытекающій изъ личной отвѣтственности, и элементъ внѣшній, социальный, который зависитъ отъ солидарности. Теперь—если нужно дать имя этому элементу, чуждому производителю, то его надо назвать, какъ сдѣлалъ Бастіа—«избыткомъ вознагражденія.» Не это ли и есть рента?

Причина несогласій съ Бастіа заключается въ томъ, что его упрекаютъ въ отрицаніи ренты. Дѣйствительно, онъ отрицаетъ ее въ смыслѣ Рикардо, но принимаетъ въ болѣе широкомъ смыслѣ. Если мы назовемъ рентой неравенство доходовъ, происходящее отъ присутствія элемента, независимаго отъ производителя, то Бастіа признаетъ это: онъ утверждаетъ, что всѣ роды цѣнности представляютъ одинаковые элементы, подчиняются одинаковому вліянію и управляются одинаковыми законами, какъ и поземельная собственность. Отвергаетъ онъ только исключительный и аномальный характеръ поземельной собственности. Его ученіе въ нѣкоторой степени отрицательное. Оно выражается въ словахъ: «рента или не существуетъ, или—существуетъ во всѣхъ производствахъ».

Изъ этого слѣдуютъ два факта: Бастіа опредѣлилъ вопросъ о рентѣ на болѣе пространномъ основаніи, но онъ не сказалъ о немъ послѣдняго слова.

Что касается до автора Записки, то онъ представляетъ два отличія: 1) распространяетъ свойство поземельной собственности на всѣ производства, и 2) сдѣлавъ болѣе совершенный анализъ цѣнности, говоритъ, что всякій избытокъ въ вознагражденіи труда и доходовъ составляетъ ренту. Рентою, конечно, можно назвать все, что превосходитъ вознагражденіе—это дѣло опредѣленія; но возможность опредѣлять эту разницу вліяніемъ природы—Фонтене отвергаетъ,

«Я признаю — говоритъ Фонтенé—въ цѣнности всякаго продукта, всякой услуги два элемента, не принимая другихъ: одинъ—индивидуальный, вытекающій изъ дѣятельности производителя, другой — общественный, проистекающій изъ содѣйствія всего общества производителю тѣми средствами, которыя оно даетъ ему, тѣми нуждами, которыя возбуждаетъ могуществомъ мѣны и потребления. Извѣстная часть цѣнности приходится на долю производителя, другая—на долю дѣйствія общества. Что касается до соціального элемента, то я не только сомнѣваюсь въ его вліяніи, но думаю, что онъ смѣшанъ въ такой значительной пропорціи, что можно сказать, вмѣстѣ съ Чальмерсомъ, что онъ составитъ для общества извѣстную власть надъ частною собственностію, родъ великаго, всегда требуемаго обезпеченія, который даетъ ему право иногда примѣнять начало экспроприаціи. Общество въ этомъ случаѣ находится какъбы въ положеніи собственника, поселившаго на своей землѣ нѣсколько фермеровъ, отъ которыхъ бы онъ или не требовалъ никакихъ повинностей, или которыхъ бы обязалъ работать для улучшенія положенія тѣхъ фермеровъ, которые ему въ тягость, съ предоставленіемъ на произволь первыхъ только — въ случаѣ ихъ несогласія удѣлять послѣднимъ отъ своихъ избытковъ—получить фермы, равныя по достоинству тѣмъ, которыя они имѣли.

«Какъ бы то ни было, я утверждаю, что во всякой цѣнности и вознагражденіи есть индивидуальная часть, которая не вытекаетъ изъ природы, что есть во всякой производительной дѣятельности человѣческое дѣло, и нѣтъ другихъ дѣлъ, кромѣ человѣческихъ. Политическая экономія называется нравственною наукою, потому что изучаетъ человѣческія отношенія. Никакой естественный элементъ не можетъ въ ней господствовать, какъ не можетъ заключаться понятіе цѣнности въ механикѣ и химіи. Природа не участвуетъ сама въ производствѣ: она входитъ въ человѣка, какъ виѣшняя матеріальная сила, посредствомъ тѣхъ качествъ, которыя распределяетъ между людьми.

«Умственные, нравственные и физическіе дары всегда выражались въ индивидуальности: внѣ ихъ не существуетъ ничего. Если этотъ агентъ единственъ, то всякое

дѣло будетъ зависѣть отъ его исключительной отвѣтственности. Въ экономическомъ порядкѣ результатъ этотъ есть производство, которое превращается въ вознагражденіе экономическое.

«Я согласенъ, что неравенство человѣческихъ способностей тревожитъ совѣсть, но въ дѣлѣ справедливости трудно сказать, что такое это неравенство. Необходимо отвергнуть всякій анализъ, который видитъ въ личномъ вознагражденіи отдѣльную часть отъ задѣльной платы, причастную природѣ. Принять это раздѣленіе значитъ принять, что человѣческій трудъ обязанъ, кромѣ самаго себя, еще чему-нибудь, что человѣкъ слѣдовательно — только средство, страдательный двигатель, это значитъ отвергать его личность и свободу.

«Съ той минуты, когда въ вознагражденіи человѣка видятъ двѣ части — задѣльную плату и ренту, надо придти къ опредѣленію гадательному двухъ этихъ элементовъ, особенно перваго. Для опредѣленія перваго элемента труда, надо спускаться съ одной степени на другую и дойти до самаго низшаго работника, до задѣльной его платы. Эта задѣльная плата cadaго должна содержать ренту; если вы дѣятельностію своею приобрѣтете богатство, то несчастный бѣднякъ можетъ сказать: все оно обязано рентѣ.»

Обратимся теперь ко второй части системы, которая приписываетъ природѣ дѣйствительную роль въ производствѣ и часть въ цѣнности, по тѣмъ различнымъ качествамъ, которыя распределены въ ней. Въ сущности это таже система, посягающая на отвѣтственность человѣка. Результатъ дѣла принадлежитъ разумному агенту; если агентъ этотъ единиченъ и простъ, когда дѣйствуетъ индивидуумъ и дѣйствуетъ вмѣстѣ съ другими, то появляется необходимость распределенія выгодъ дѣла, или цѣнности созданнаго продукта. Но когда человѣкъ дѣйствуетъ съ помощію природы, страдательно, то природа ничего не можетъ требовать, ибо она неотвѣтственна. —

Возьмемъ въ примѣръ неравенство дохода, которое служитъ исходной точкой всѣмъ теоріямъ ренты. Есть ли оно затрудненіе? Это — естественный фактъ, который выражаетъ неравенство способностей, энергіи.

Такимъ образомъ, вопросъ о рентѣ приходитъ къ слѣ-

дующему: хотѣли видѣть причину неравенства доходовъ въ элементахъ, чуждыхъ политической экономіи, хотѣли придать природѣ роль въ цѣнности. Слѣдовательно вопросъ о рентѣ въ этомъ смыслѣ не выдерживаетъ критики (*).

Изъ разсмотрѣнія этой новой теоріи ренты, принадлежащей Фонтенé, мы видимъ въ ней два главнѣйшія положенія, противныя теоріи Рикардо: 1) относительно того, что онъ видѣлъ въ поземельной собственности исключительное свойство давать избытокъ, зависящій отъ ея преимуществъ, и 2) признавалъ вліяніе природы на дѣйствія человѣка.

Что касается до перваго упрека, то, при этомъ, мы должны вспомнить то, что имѣли случай высказать выше, ссылаясь на слова Рошера, который, относительно сочиненія Рикардо, замѣтилъ, что оно не представляетъ систематическаго труда: оно есть не болѣе, какъ собраніе искусственныхъ опытовъ относительно законовъ, управляющихъ поземельнымъ доходомъ; по формѣ изложеніе ученія его несовершенно, но по идеѣ вполне справедливо. Очень естественно, что англійскій экономистъ обратилъ вниманіе на поземельный доходъ преимущественно предъ другими отраслями промышленности и спеціально изслѣдовалъ его.

Относительно втораго вопроса, мы, независимо отъ очевидной несообразности, являющейся каждому въ разсужденіи о вліяніи природы, и имѣли случай выше подробнѣе разсмотрѣть вопросъ. Такимъ образомъ, открывается, что теорія ренты Рикардо, не смотря на многочисленныя противъ нея возраженія, остается до настоящей минуты вѣрною: ее не могли ни поколебать, ни ниспровергнуть всѣ старанія противниковъ; они только развили и представили ее въ болѣе привлекательной формѣ, это обстоятельство прямо указываетъ на справедливость положенія: то, что истинно — вѣчно. Все погибаетъ. Все исчезаетъ и минуется—одна правда живетъ и дѣйствуетъ вѣчно и неизмѣнно.

(*) Journal des Economistes, 1860 г. № 3. Mars.

